VASA INIQUITATIS
СОСУД БЕЗЗАКОНИЯ

Эрве Гибер

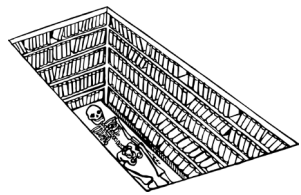
ПРИЧУДЫ АРТУРА

Перевод
Алексея Воинова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

25†



Hervé Guibert
Les Lubies d'Arthur

В оформлении обложки
использована фотография Эрве Гибера

Издательство выражает признательность
Ирине Тюриной за помощь и поддержку

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© 1983 by Les Editions de Minuit
© Алексей Воинов, перевод, 2013
© Kolonna Publications, 2013

ISBN 978-5-98144-177-6

Матьё[1]

1 Матьё Лендон, р. 1955, сын главы Les Éditions de Minuit Жерома Лендона, писатель, ближайший друг Эрве Гибера *(здесь и далее прим. переводчика)*.

ГЛАВА I

СНОВИДЕНИЕ

Это происходило в тот неопределенный час, – хотя это был не час как таковой, а лишь краткое мгновение, которое, тем не менее, наполняло собою разум, будоражило его и грозило крахом, – это происходило в то тягостное время между пробуждением и сном, прямо перед падением в яму, когда больше не знаешь, ты ли это или складка на одеяле, или душа животного, или зародыш, или труп, или хрюканье свиньи, или вздох умирающего.

Сновидение тщетно прошло вдоль свода его судьбы, он пошевелил головой, и вся история сразу истаяла, он смог уловить лишь неясный ее обрывок. В этот смутный момент, когда он, весь мокрый, начал падать в водосточную яму и почти поверил, что превратился в душу некой свиньи, он вдруг очнулся в постели.

Не в силах уснуть, он поднялся, накинул рубашку, вдохнул ночной воздух, проверил, в кармане ли рогатка, – была темная, безлюдная ночь, – он шел один, ему стало жарко, и он снял рубашку и нес ее вначале на плече, будто флаг, продвигаясь вперед, с голым торсом, до тех пор, пока не показалась

идущая навстречу тень в плаще, тогда он спросил себя, почему тот человек в столь поздний час и в такую жару носит плащ, распутник ли тот или чье-то доверенное лицо, и был ли плащ маскарадным костюмом или же униформой, и из стыдливости, которую не мог объяснить себе сам, снова надел рубашку и не решился обернуться на прохожего, однако успел заметить, что ресницы того были покрыты угольно-черной паклей или куделью,
8 он дошагал до места, где главная городская дорога расширялась, прошел по площади, на которую возвращался каждый вечер, с пращой в кармане, чтобы подстрелить двух-трех скворцов; он прятался в кустах под деревьями, под самыми шумными купами, в которых слышался пронзительный птичий писк, вначале он с жадностью слушал, словно собираясь его впитать, пока не ощущал себя жертвой этого шума, тогда он принимался мстить, поднимал голову, натягивал резинку и стрелял в воздух, в пищащие заросли, ему нравилось смотреть на падающее тельце, которое, казалось, еще летит, чтобы подняться выше в последний раз, но, шелестя перьями, вдруг шлепается на землю; птиц со сломанным клювом или поврежденным камнями оперением, – ибо чучельнику такие не нравились, – он сразу давил, словно уничтожая сына, брата или обреченного друга, взывающего о смерти, – его подошвы по возвращении всегда были перепачканы кровью, – либо решительно кидал птицу в мусорный мешок, но ему нравилось прикасаться к еще трепетавшей птице, брать ее и сжимать в ладони до тех пор, пока не станет ощутим ток ее крови и отрывистые удары сердца, – он испытывал то же удовольствие, что и человек, наедающийся до отвала, – а потом из-за влаги и меняющейся температуры тельца у него возникало

крайнее отвращение, очень скоро понуждавшее бросить мертвую птицу в ранец и поднять новый камень, заново скрутить резинку, которая вслед моментально ослабнет; порой, когда он, занимаясь этим отвратительным делом, был пьян, ему мерещилось, что у него в руках струны, и он может извлечь с их помощью новые непривычные звуки, тогда он высокомерно называл себя музыкантом; обычно он не сам набивал сумку и несся с ней к лавке чучельника, у него был подмастерье, забойщик, беспутный ребенок по имени Лапочка; анималист взвешивал птиц, словно засахаренные фрукты, очищал их пинцетами от лишнего сахара, слизи и оплачивал по весу, затем вставлял в птичьи животы лампочки, чтобы изготовить ярмарочные фонарики.

В тот день, когда на заре были подстрелены три неосторожных птицы, Лапочки рядом не оказалось, и он не мог завернуть их, еще трепещущих, в тряпки или осыпать ласками под одежкой, Артур стоял один-одинешенек, – он никогда еще не разглядывал ни одной птицы, – он прикоснулся губами к перьям в том месте у клюва, где все было розовым, куда попал камешек, потом попытался заставить птицу опять взлететь, растягивая ей крылья, подбрасывая ее, но это была всего лишь еще одна жестокая игра. К нему издалека опять подошел мужчина в плаще и хотел предложить денег, но, как только он приблизился, Артур зарычал, словно пес, и плащ, обезумев, бросился в противоположную сторону. Никто не имел права здесь его видеть; в этом месте он обычно должен был прятаться, ибо его профессия была так же незаконна, как и у контрабандистов, – Лапочка еще спал в пожелтевшей постели, его голова лежала

на замшелом пятне на подушке, – никто не имел права здесь видеть Артура, но он этим не пользовался, он смотрел на двух подбиравшихся ближе птиц, вспархивавших у самой земли, словно человечки без рук, без ног, от него ускользая; он не был совсем уж мерзавцем, он знал таких, которые занимались и вещами похуже, у которых были крючки, иглы, пинцеты, вырывающие глаза, чтобы делать из них перстни. Тем не менее, он собрал птиц благоговейным движением, которое могло навести на мысль, что он хотел похоронить их, сжечь. Он унес с собой трех обреченных пташек, засунув их в худые карманы, куда обычно клал украденную еду. Отправился спать, убаюкиваемый последними содроганиями птиц у его бедер.

ГЛАВА II

ПОЯВЛЕНИЕ ЛАПОЧКИ

Утром Лапочка зашел в комнату посмотреть, как Артур спит. Он захватил с собой банку мармелада; они за день истребили целый участок сада, взяли напрокат у рыбаков четырехугольные сети и, натянув веревки, перемазали клеем все ветки, до которых было можно дотянуться; однако, птицы упорхнули, а к клею пристала лишь кожа с рук Лапочки. Ему были противны перепачканные кровью набитые карманы не потрудившегося раздеться и вновь уснувшего Артура, – он часто спал, не снимая одежды, – Лапочка подумал, какое у того огромное и даже во время сна сильное, напряженное тело, он вдруг испугался и выбежал прочь.

Накануне дня, когда они столь резко оборвали множество птичьих полетов, дабы потом купить лодку, они не ложились спать, возбужденные приготовлениями, всю ночь жевали зловонные корни, которые аптекарь продавал из-под полы ученикам перед экзаменами, стягивали иголками веревочные петли, чистили их от пыли и развешивали по деревьям, распространяя повсюду за-

пах водорослей, заставивший большинство птиц скрыться; это была жалкая охота, на клей попались лишь самые тусклые экземпляры, таксидермисту они были не нужны, если в оперении не находилось хотя бы одного яркого оттенка.

Артур каждый день ходил поглядеть на лодку, она была некрасивой, тем не менее, он мечтал о ней. Она не так много стоила, была прогнившей, однако, требовалось множество птиц, цветастых и доступных самцов, чтобы купить ее. Он еще не рассказал Лапочке о причине смертоубийств, он лгал, хотел сделать ему сюрприз.

Лапочка жил один, он не мылся, приютившая его бабушка уже не могла подниматься по ступенькам к нему в комнату, – мансарду под крышей, – которую он украсил непроданными трофеями и фотографиями Артура, которые удалось стащить, но Артур ненавидел фотографироваться, поэтому снимков было немного, и Артур всегда отказывался зайти к Лапочке, дверь для него была открыта в любой час дня и ночи, и тот каждый раз повторял это Артуру с диковатым видом, становясь похожим на птицу, а Лапочка знал, как Артур ласков с птицами, стоит только им попасть в его карманы.

Артур, наконец, встал, он не заметил, что заходил Лапочка. Он сразу же пошел к месье Фальконе, чтобы узнать, какой объем могут вместить его холодильники за неделю, он хотел побыстрее купить лодку. Вместе с Лапочкой они снова вымыли сети пресной водой, но сети продолжали источать отгонявший птиц запах водорослей, и они вернули их, сочтя себя разоренными арендой; решено было смастерить гигантские сумки, сшив вместе уйму продуктовых сеток, украденных у чужих матерей и сестер на рынке и освобожденных

от картошки на пустыре. Они рискнули истратить последние деньги на покупку нового сорта клея, расхваленного в журнале, и Артур принялся изобретать небывалые ловушки, сделал множество вращающихся рогаток с зарядами из рыболовных крючков, а Лапочка придумал, как его шантажировать, чтобы он их не использовал; Лапочка был пособником губительной нежности.

ГЛАВА III

БАЛЕТНАЯ ПАЧКА ГИППОПОТАМА

Бабушка Лапочки, которая была не его настоящей бабушкой, а простой доброй женщиной, умерла, и у Артура появилась новая расточительная причуда. Охладев к птицам, он принялся думать об обезьянах, хотел обустроить питомник, заняться прививками, и из чистой мании купил маску обезьяны, жуткую рожу из вареной бумаги, к которой крепились бакенбарды: полоски синего меха. Лапочка состязался с ним, он раздобыл перчатку с пуговицами, одну-единственную таинственную перчатку, в которой сам никакой тайны не видел, Артур же ненавидел перчатки: по его мнению, их носили одни душегубы.

Когда у него появились деньги на лодку, Артур заметил в ней пробоину: починить корпус было невозможно, и тогда он перевел взгляд на другой, более необычный предмет, он заприметил гиппопотама, которого решил перепродать некий фигляр, чтобы наказать зверя за обжорство, на самом деле, гиппопотам должен был со дня на день подохнуть, он не обладал никакими пороками, и фигляр просто старался отыскать и нашел-таки экстравагантный предлог, чтобы не вызывать подозрений в собственной меркантильности, одна-

ко, перевозить гиппопотама было невозможно, а Артур хотел путешествовать. Он вернулся к мысли о птицах, но на этот раз о птицах покрупнее, за чье курлыканье дорого платили в столицах, и повел Лапочку в леса, где можно было их отыскать. Они вооружились огарками, и Лапочка провел много дней, испытывая свистки и поднимая на ветви камуфляжные шлемы. Первыми, на кого они нацелились, были соколы и орлы. Но из-за каприза перед великой бойней в лесу Артур вернулся к гиппопотаму, он сказал себе, что такое животное все-таки могло бы привлечь немало зевак. Однако, дабы развлечение было занятным, сказал он себе еще, животное нельзя показывать просто так и, поскольку не было и речи о том, чтобы гиппопотам скакал через обруч или даже просто бегал галопом, он подумал сделать его посмешнее, напялив всякой рванины. В деревне на этой неделе как раз был благотворительный базар: туалеты и сценические костюмы прима-балерины, вернувшийся умирать в родные места, распродавала жена мэра, леди Бигуди. Проходя мимо выставленных напоказ вещей, Артур запал на потрепанную розовую пачку, которую отдал Лапочке распороть, чтобы надеть на гиппопотама: балерина потолстела, но не до такой степени. Артур непредусмотрительно слишком сильно затянул шнурок на гиппопотаме, и зверь, которому не нравилась юбка, непрестанно вертелся, вырывая из нее последние лоскуты, к тому же он всю ее намочил, капли лились с нее на песок в тесном загоне, который Артур обустроил в общественном саду, гиппопотам изорвал шнурок и, казалось, собирался дать деру, но всего лишь отступил назад и, к великой радости страховщика, наперекор всем предсказаниям, по-прежнему не умирал. Артур купил трость, чтобы дрессировать его.

ГЛАВА IV

ФЛУОРЕСЦЕНТНЫЕ ЧАСЫ

Лапочка жил один, и ему удалось заставить Артура приходить к нему ночевать три раза в неделю: в качестве предлога он использовал то, что ему снятся кошмары, Артур вспомнил собственное детство и сжалился. Но ставни и занавески в спальне Лапочки закрывались на ночь так плотно, что не давали проникнуть ни малейшему лучу света, и оба оказывались в нескольких сантиметрах друг от друга в темнейшей тьме. Лапочка решил ложиться и больше уже не двигаться из страха, что шуршание одеяла смутит Артура. Бесшумно он протягивал к нему руку, но Артур никогда ее не касался, так как ничего не видел. Лапочка придумал следующую стратагему: он купил новые часы, стрелки которых светились сильнее, чем у предыдущих, и, ложась в тишине, принимался размахивать рукой, дабы стрелки, словно светящиеся мотыльки, привлекли взгляд Артура, и затем простирал руку к Артуру, ожидая, что тот возьмет ее, но либо Артур уже спал, либо спрашивал себя, чего именно ждет Лапочка, ибо он никогда не касался его руки. Однажды ночью Артур сказал ему:

– Мы поедем на полюс и будем пить там черепашье молоко. А научиться в жизни можно лишь одному. И ты, мой милый мальчик, должен об этом помнить: единственное, что нам дано познать, – это страдание.

Но Лапочка не мог его слышать, к тому же он был немой. Накануне великой бойни они опробовали летающие сети в верховье долины, но в них попала лишь мошкара. У Лапочки случился приступ тошноты, но доктор не нашел никакой болезни.

ГЛАВА V

ЛАПОЧКА ЗАБЕРЕМЕНЕЛ!

Артура охватила очередная бесплодная причуда. Подобно художникам древности, он начал собирать различных ракообразных, всякую дичь, ягоды земляники, растерзанных скатов, порезанных на костлявые куски черных угрей, лимонные шкурки, устриц, потекшие арбузы, очищенные сочные зерна гранатов, заткнутые платками пузырьки, хрустальные колпаки и многочисленные ракушки, он никак их не упорядочивал, но подолгу рассматривал, испытывая особое необъяснимое удовольствие от того, как мякоть и плоть разлагается, а стекло противостоит тлению. На самом деле, он любил Лапочку потому, что тот был тихим и не мог его ни в чем упрекнуть.

У Лапочки все чаще и чаще случались приступы тошноты, и доктор был вынужден констатировать беременность. Ответственным мог быть только Артур, ибо в деревне уже не верили в дела Провидения, тем не менее, и один, и другой обоснованно заявляли, что и пальцем друг друга не трогали. Лапочка забыл сказать, что однажды, пока Артур спал, он украл у того несколько слези-

нок и с наслаждением выпил их из крестильной чашечки. Врач сказал, что нужно от всего этого избавиться, и Лапочка решил нанести визит леди Бигуди, жене мэра, которая тем только и занималась, что устраивала благотворительные праздники, он покинул ее в меланхолическом настроении, и Артур был с ним так же ласков, как был жесток с их добычей.

Когда Артур надевал маску обезьяны, Лапочка сразу же совал руку в единственную перчатку, и, если бы кто-то застал их вместе, то назвал бы безумцами.

ГЛАВА VI

ПИРАМИДЫ ОТЦА ФАЛЬКОНЕ

Отец Фальконе заметил, что птичьи клювы, если их очистить скребком от перышек и волокон, вымочить в квасцах и затем выправить растворителем, превращаются в безукоризненные октаэдры, он коллекционировал их, называя своими маленькими пирамидками. В комнате позади магазина у него их было около сотни, пирамидки располагались на специальной деревянной доске, украшенной белыми кристаллами, имитировавшими снег. Закончив работу, он принимался воссоздавать Египетский поход, представляя всевозможные поражения: в его распоряжении не было настоящих солдат, не было даже миниатюрных фигурок, его взгляду было достаточно лишь пройти по птичьим клювам, и он слышал звуки столкновений обессиливающих тел, ему мерещились солдатские стоны. Иногда он проливал на снег из маленькой склянки, содержимое которой мог легко пополнить, несколько струек крови, ему это казалось милым, но он знал, что потом нужно будет помыть кристаллы, стоившие, в отличие от остального, порядочно.

В первую ночь, когда они отправились в лес, Артура и Лапочку настигла темень: они взяли с собой смастеренные как попало кинкеты, луна не желала помогать в их предприятии, а нечто неведомое, будто нарочно, разбило ламповое стекло и развеяло пламя по ветру. Собираясь бежать прочь, они руками и ногами запутались в сетях. К ним стал приближаться орел, он кругами опускался все ниже, мрачный шум его крыльев уже отметал в стороны пряди волос и бил по щекам, они напрасно вцепились друг в друга, но орел пощадил их и, вместо того, чтобы наброситься, решил вернуться к выводку.

Из суеверия отец Фальконе не выбрасывал сердца птиц, которых потрошил, он хранил их в большой бутыли, наполненной спиртом, деревенские дети об этом знали, и ходило множество легенд об этих сердцах, но отец Фальконе ничего с ними такого не делал, лишь называл их своими прелестными шариками.

ГЛАВА VII

ПЕРВОЕ ЧУДО

Лапочка никогда не слышал низкого и пылкого голоса Артура. Целую ночь Артур, думая, что сможет заставить Лапочку услышать его, брызгал тому в ухо слюной столь исправно и обильно, что слюна перелилась из ушной раковины через край, а Лапочка уснул от усталости. Но наутро его ухо слышало. Артур постановил, что нормальный ребенок должен получить хотя бы минимальное образование, объявил себя приемным отцом и сам пошел записывать Лапочку в школу. Но каждый звук, проникавший Лапочке в ухо, даже самый слабый и даже тот, что исходил изо рта Артура, был для него пыткой. Самые нежные мелодии заставляли его вопить от бешенства. Он засовывал себе в уши все, что только могло сгодиться, пихал туда вату, поскольку видел, что иногда так делают, но еще, словно он вил гнездо, совал туда веточки, сучки и фантики от конфет. Когда Артур хотел прочистить ему второе ухо, он отбивался, будто бесенок, и закончилось тем, что Артур связал его.

Второе ухо было также чудесным образом излечено, и по всей деревне пошла молва, люди просили о встрече, чтобы Артур натер им слюной горбы, удлинил маленькие члены или соблаговолил раскрыть те, у которых кожа никак не слезала с головки, один негоциант вызвался разлить слюну по бутылкам, дабы поставлять в далекие страны, но Артур отказывался от всех предложений, он боялся стать шарлатаном, говорил, что не хочет лечить иностранцев, незнакомцев, ему было чем заняться с его лодкой и птицами; может быть, однажды, совсем постарев и обнищав, он и примет такой заработок, но тогда дар уже оставит его, он знал об этом.

ГЛАВА VIII

БЫЛЫЕ ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ

Лапочка привык к новым звукам и скорбел по привычным мелодиям, которые теперь перекрывал шум: отныне до него не доходили звуковые волны ни солнца, ни камней, ни чего-либо еще, к чему он прикасался или на что смотрел. Он сел на школьную скамью и, как все, ждал прихода преподавателя. Наконец, тот появился в изношенном сером пальто и берете, у него был искусанный пчелами толстый нос, а в руках футляр со скрипкой. Он написал на доске свою фамилию, это была корсиканская фамилия, похожая на название марки макарон, но никто не посмел засмеяться, был только первый день занятий. Преподаватель так и сказал:

– Вы не решаетесь засмеяться, поскольку сегодня первый день занятий, но через неделю вы будете шутить над моим именем у меня за спиной и прямо в лицо, пока что вы боитесь, вы еще не знаете, мягкий я или жестокий, но вот ты, да, иди сюда, поднимись к кафедре…

Вызвали Лапочку, и он поднялся к преподавателю. Месье Лючиони распахнул пальто и показал живот, он попросил стукнуть его. Лапочка

не хотел, но преподаватель настаивал, чтобы ему отвесили тумаков, до тех пор, пока Лапочка не соблаговолил его легонечко пнуть. Преподаватель не был мазохистом, он всего лишь мечтал установить равноправные отношения с учениками. Лапочка был отправлен обратно на место и назван молодчиной. Потом месье Лючиони открыл футляр со скрипкой, прижал музыкальный инструмент к плечу, надавил на него подбородком и, бормоча что-то невнятное, принялся играть романс, хотя на самом деле он должен был преподавать ученикам литературу:

– Эта мелодия… напоминает мне о детстве… Я напевал ее дружкам, однако, не знаю, почему, когда я начинал ухаживать за девушкой, через пару недель ее хоронили, все они сгорали от лихорадки, тонули, не знаю, что там еще, но их чахлые тела не переносили моих объятий…

Весь класс взирал на месье Лючиони настолько ошеломленно, что он разгневался. В классе были и девочки, тем не менее, он воскликнул:

– Черт подери, вы же треплетесь друг с другом о том, что у вас между ног!

У Лапочки никогда еще не было семяизвержения, и он не понял, о чем шла речь. Встретившись с Артуром, он рассказал ему всё, и Артур в тот же вечер забрал Лапочку из школы. Он заявил:

– О таких вещам детям не говорят.

Ради великого наслаждения он мог кончиком перочинного ножа очистить и надрезать птичий анус, но в остальном оставался довольно стыдливым. Он записал Лапочку в церковную школу. Успех был не особый. Лапочка оказался весьма подкован во всех второстепенных дисциплинах – в музыке, рисовании, истории первобытного общества и, конечно же, в препарировании, но другие пред-

меты не воспринимал. Его пороли преподаватели и дубасили товарищи, плюс ко всему Артур в конце первого полугодия прочитал в его школьном дневнике в графе общей характеристики: «лицемерный ребенок». Тогда он воскликнул:

– Ох уж мне эти заморыши!

ГЛАВА IX

ОРЕЛ

Они вернулись в лес. Поймали орла или, может быть, орел поддался тому, чтобы его поймали, но они решили не убивать его ради мяса и перьев, опасаясь, что это тот самый орел, который прилетел в первую ночь и пощадил их. Орел был послушный, и они не торопились давать ему имя. Они связали его шпоры, прикрепили веревку к большой ветке и на рассвете пересекли пустынную деревню с пойманным орлом на плечах, никто их не видел, и тогда они решили, что можно заставить орла казнить несколько человек. Когда настанет ночь, они откроют слуховое окошко под крышей мансарды Лапочки и наугад, либо следуя определенному плану, выпустят голодного орла людям, всяким важным особам, на головы. Но сначала его нужно будет обучить.

Артур стал проворным ловцом: он выбрал одну пташку и снабдил ее специальной нагрудной накладкой, к которой прикрепил множество свитых из конских волос петелек, пропитал рыбьим клеем губку и обвалял затем в перьях куропатки. На опушке леса вместе с Лапочкой он построил глядя-

щую на северо-восток землянку, укрыл ее ветвями и осторожно натянул дугами соединяющиеся меж собой нити, а с помощью связанных воронкой гладких ореховых прутьев смастерил ловчую сеть.

В молодости, о которой теперь вспоминал, проклиная себя, Артур прочитал научный труд о соколиной охоте, сожженный потом до последней страницы. Он не знал, что было множество разных видов птиц, что среди них встречались и глуповатые, и подлые, и дикие, и неподдающиеся приручению или же весьма своенравные. Но вспомнил, что должен был выбрать птицу с гордым взглядом, черным нёбом и восковицей, словно помеченной зернышком проса. Он проверил: корсаж у орла был белый, усеянный черными крапинками, а манишка, когда ее касались солнечные лучи, рыжеватой. Он накинул капюшон на крикливую птицу, надел ей на коготь колечко и сделал пару прижиганий в надклювье. Чтобы ослепить, он обездвижил орла, пришив ему нижнее веко, которое перед этим поднял, стянув две нити поверх головы, после он постепенно ослабит их. Он сделал это, потому что птица пугалась, когда видела его лицо, и его протянутая рука была ей противна, он должен был позаимствовать перчатку Лапочки. Он боялся, что тот однажды сбежит, прихватив орла, и потому сказал:

– Я отыщу вас обоих и, чтобы тебя наказать, заставлю орла склевать шесть унций мяса с твоей груди.

От страха босой Лапочка бросился на замерзшую землю, Артур поднял и обнял его.

ГЛАВА X

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Постепенно Артур приучил птицу кормиться из раны только что зарезанного ягненка, затем закрыл орла в комнате с другим ягненком, шея которого была выбрита. Орел вскинул крылья, почистил перья, развернулся веером, распрямился, дабы походить на ангела, но оставил шею ягненка невредимой. Артур посыпал пол под жердью песком, чтобы собрать помет, растопил маленькую печку, поставил таз, качели, решетчатую мачту, клетку с поперечинами из ткани, выкроил из собачьей кожи и сшил птичьи дрессировочные ремни, искупал орла и просушил ему перья возле огня; он пригласил гостей, но орел опасался незнакомых мужчин, а еще более дам в шляпах и детей, чьи костюмчики и восклицания приводили его в бешенство.

Птица по-прежнему не желала есть, Артур вскрыл череп кролику, надрезал ему шею и оставил орла кормиться мозгом, на который тот был падок. На следующий день он морил его голодом, дав лишь малюсенький кусочек бледного мяса.

Неся пытающегося сохранить равновесие орла на руке, Лапочка должен был пробираться сквозь

изгороди, ползти на животе под заборами, переправляться через ручьи и колючую проволоку вокруг пастбищ, перепрыгивать канавы и летать кубарем. Артур снабдил птичьи фаланги гетрами из мягкой кожи, защищая от шипов терновника и ежевичных колючек; дабы не потерять орла, закрепил на нем латунной проволокой колокольчики. Орел по-прежнему не мог видеть лица Артура, однако ветер пьянил птицу.

30 Лапочка выучил охотничьи позывные, он начал кричать «Ай!», «Иу!» и «Йо-йо!». Он надел куртку ястребника с широченными растяжными карманами, в складках которых прятал наркотические снадобья, пилюли с алоэ, бинокль, бечевку, острый ножик и маленький садовый резак на тот случай, когда хотел поставить дугу, чтобы дать птице передохнуть. Облачился в гетры и украсил шевелюру небольшой кожаной шапочкой, за которую птичьим когтям было легче цепляться, каждое утро он причесывался одинаково, ибо орел пугался всякий раз, когда какой-нибудь локон сбивался со лба.

Вначале орел оставался в капюшоне, чтобы избежать посягательств любопытных, бестактных людей, упрямых детишек и собак. Потом Артур заменил его грубый головной убор на шапочку со шнурком, он намочил шапочку в воде, чтобы она размокла, и у сапожника и ювелира заказал еще чепчики с султанами и перьями, золотой филигранью и инкрустацией из камней. Чтобы отплатить сапожнику, он пригласил его на представление: вооружившись перчаткой и кормушкой, он подошел к орлу, снял клобучок, отвязал веревку, прикрепленную к кольцу на перчатке, и показал ему перчатку возле самой груди, угощая ломтиками куницы; птица зачванилась. Чтобы отплатить зо-

лотых дел мастеру, он пожертвовал котенком и двумя слепыми щенками.

Птица простудилась, и Артур дал ей бычий хвост, вымоченный в горшке с подслащенным уксусом. Ее контурные перья измялись, и Лапочка разглаживал их в горшке с теплой водой. На следующий раз птице положили говяжье сердце, она наелась крысиных кишок, набитых червями, помет стал синеватого цвета, она исхудала, Артур каждый день ее взвешивал. Чтобы прочистить желудок, он дал ей чистой калабрийской манки и накормил обернутыми куриной кожей конопляными шариками. Чтобы ее стошнило, он заставил ее притронуться к легким лисицы, козьему помету и детской моче; кусочкам мумий орел воспротивился. Кончиком сарбакана Артур засунул птице в горло десять раздробленных крупиц перца, спрятанных в консервированные розовые лепестки; на следующий день – гранулы соли величиной с бобы и перемешанные с куделью леденцы. Орла вырвало, и четверть часа спустя Артур подал ему отличный кусочек мяса без единой косточки или перышка.

Птица внезапно утомилась, и он уложил ее на подстилку из травянистой бузины. Найдя у нее червей, он вскипятил в горшке хорошего белого вина, добавил несколько горстей полыни и садовой руты, пряную гвоздику и корицу. Обнаружив у нее клещей, он отцепил их при помощи пиретрума, а затем порезал ножницами. Чтобы избавить ее от гнид, он поперчил теплую воду, в которой развел мытник и розмариновую пыль. Он дал вшам перебраться на заячью шкуру, которую затем сжег. Когда птица полиняла, потеряв все перья от первого до последнего, он, чтобы восстановить оперение, дал ей поесть сорочьего мяса.

Виной тому лунный свет или утренняя роса, – неизвестно, – но птица простудилась еще сильнее. Из ноздрей текла влага, Лапочка выкачивал ее с помощью небольшой присоски. Он прижег ее крохотные бородавки ляписом, смазывал небольшую язву соком лимона, а более обширную нанесенной на специальную палочку серной кислотой, потом промывал больные участки дождевой водой, собравшейся в углублении дубового пня. Он лечил раны посредством шнитт-лука, для восстановления кровообращения использовал мягчительные средства, а острую боль старался снять горячей и сочащейся кровью пищей. Когда птице становилось хуже, он протирал ее миндальным маслом. Камушки, закупоривавшие задний проход, выходили вместе со взбитым с сахаром маслом, сломанные конечности были укреплены деревянными пластинками и лейкопластырем.

Чтобы линька прошла получше, Артур пошел вышептать кое-какие восточные тайны у знахаря: он взял змею, отсек ей голову и хвост, содрал с нее кожу и дал птице несколько миллиграммов светлой плоти, а после кормил ее изо рта сменяющими друг друга удодами, муравьиными львами и бараньими слюнными железами, он размалывал все это вместе с кожей дикого осла и скармливал с плотью десятидневных щенков. Он давал ей пить свежую горячую кровь, пущенную из лошадиной ляжки.

ГЛАВА XI

ОГРАБЛЕНИЕ МОРГА

Наконец, орел имел гордый вид, был облачен как следует и готов к нападению. Первым человеком, на котором Лапочка остановил выбор, стал преподаватель Лючиони, не потому, что он не любил его, – наоборот, – однако, Лапочка хотел доказать ему свое могущество. Орла выпустили, он вернулся с занозами от скрипки, застрявшими в подушечках меж когтями, профессор Лючиони защищался, но ранил орла не до крови. Нужно было получше его выдрессировать, приучить к человеческой плоти. Артур и Лапочка отправились в морг украсть несколько кусочков мяса и отстричь, как придется, под простынями на каталках пряди волос, сложив все в большую сумку. Они действовали в полутьме и, вытащив добычу на свет, обнаружили, что пряди были либо рыжими, либо седыми, их следовало выкрасить, и краска осталась у них на пальцах.

Артур положил кусочки плоти в металлическую яйцеобразную коробочку, покрытую эмалью или галалитом, она легко помещалась в кармане куртки, и можно было в любой момент достать

ломтик, чтобы покормить птицу. Он смастерил также человеческую фигуру, сделав стальной каркас, одетый в кожу и набитый сухой травой; чтобы отучить орла от запаха дичи, он должен был выпотрошить множество домашней птицы и вымазать ее внутренности горчайшим раствором. Леди Бигуди была убита одним ударом, полицейские удивились пяти синеватым отверстиям, оставленным по обеим сторонам ее шеи, сначала они подумали, что это какой-то хитрый прием, спектакль, а потом по этому поводу высказался специалист по животным.

Никто в деревне не видел, как Артур и Лапочка возвращаются на рассвете после облавы с орлом, сидящим на ветке, которую они несли на плечах, но они приглашали нескольких добропорядочных женщин полюбоваться им, и полиция не замедлила с подозрениями. Следовало избавиться от орла как можно быстрее и уничтожить все следы прогулки. На следующий день после преступления они открыли форточку, чтобы дать ему улететь, но орел нашел новую жертву и с гордостью преподнес ее сердце мошенникам: это было сердце киномеханика «Арены», на которого ни Артур, ни Лапочка никогда не злились. Отпущенный орел всегда возвращался к насесту.

ГЛАВА XII

СМЕРТЬ ОРЛА

Артур пошел к краснодеревщику и заказал у него детский гробик, краснодеревщик знал, что у Артура нет детей, но он получил оплату, так что возмущаться не пристало. Потом Артур пошел к ножовщику выбрать лезвие, которое пройдет путь напрямую, не медля и будто лаская. Потом отправился в гавань вычерпать воду, которая во время бурь налилась в лодку, он увидел, приложив руку козырьком ко лбу, что остров вдалеке виднеется очень ясно, это был знак скорого густого тумана. Когда он вернулся, Лапочка уже приготовил наркотические снадобья, наливки, лаймы и связал платки, которые должны были заменить веревки. Они дождались вечера, потом приготовились к пиршеству. Орел невозмутимо смотрел на них. Они вытащили кости из различных млекопитающих и обезглавили множество еще теплых зверьков, положив их на позаимствованные на время большие серебряные блюда. Орел никоим образом не показывал, что голоден или нетерпелив, казалось, он наслаждается музыкой, слышавшейся из проигрывателя, то был слащавый вальс. По-

том Лапочка разделся догола, что заметно польстило орлу и обнадежило его, и опоясал живот и бедра широкой кожаной повязкой, в которую птица могла вонзить когти. В тени, укрывшись темным тряпьем, Артур, словно подавая сигнал, поблескивал лезвием тесака. После того, как орел притронулся к припасам и винам, Лапочка нежно стянул его клюв и лапы платками. Лапочке больше не нужно было даже надевать перчатку, так как у орла не осталось неприязни к его голой руке, и он так привык к нему, что даже мог выносить его взъерошенные волосы, теперь он узнавал его, не смотря на то, прежняя у него прическа или какая-то другая. Когда птицу связали, Лапочка подхватил ее пониже груди, чтобы орел самостоятельно прицепился к поясу вокруг бедер, он немного согнулся под тяжестью, потом распрямился. Спрятав лезвие за спиной, Артур выключил музыку, а Лапочка взял клюв птицы, которая больше не могла его раскрыть, в губы и снова сомкнул их, у клюва были с обеих сторон восковицы две дырочки, через которые Лапочка вдохнул птице воздух из своих легких вместе с табачным дымом, он чувствовал, как птичье оперение греет ему живот. Держа лезвие, Артур расположился за спиной Лапочки, как если бы хотел от него спрятаться, потом сел на корточки, чтобы пронести лезвие меж ляжками Лапочки и дотянуться до живота птицы. Ничего из этого ритуала они заранее не готовили, они даже об этом не говорили, не репетировали ни одного жеста, все эти движения казались им происходящими самими собой. В то мгновение, когда Артур мгновенно рассек грудь птицы на две части, Лапочка почувствовал ртом резкий толчок клюва, словно обессилев от неистового аромата, одновременно с тем орел простер свой покров и

его бьющиеся крылья заполнили всю комнату, серебряное лезвие полетело в воздух, к ногам пролилась лужа кипящей синей крови. И лишь тогда, когда они уложили безжизненную птицу на бок, прежде чем поместить ее в гроб, смотря на нее в последний раз, они придумали ей имя, ей, которую они всегда звали птицей или орлом; ее имя внезапно возникло одновременно на губах у обоих, привычное, как их собственные имена. Лапочка держал птицу прямо перед собой, он поднял ее, пока Артур посыпал дубовую древесину гроба курящимися угольками, детские мольбы вернулись им на уста и медленно изливались, словно бессловесная музыка, ибо смысл произносимых и повторяемых слов испарился, пока они посыпали орла пеплом, чтобы осушить его длинные перья. Лапочка развязал повязку, надетую на глаза птице перед тем, как ее разрезали. Они выпили остатки вина, бывшего почти черным, и закрыли гроб, ругаясь как извозчики. Громадные крылья птицы были сложены поверх тела, чтобы прикрыть рану. Они ничего не оставили на память об орле, кроме уверенности в его имени, и сожгли все, к чему он мог прикасаться.

По-прежнему пьяные, ибо теперь пили большими стаканами ром, они спустились по лестнице, неся гроб за две ручки, которые по настоянию Артура были сделаны не из пошлой латуни. Поднялся густой туман, лодка ждала их, они поместили гроб на плечи и, распевая как пьянчуги, привезли его на остров. Они собирались похоронить своего друга орла между могилами двух известнейших персон: знаменитого русского физика XVI века, чью могилу с момента царского низложения осквернили семь раз, и фламандского художника

XVII века по имени Давид Тенирс[1], который рисовал лишь сцены попоек и игрищ, делая порой героями картин не людей, а мартышек во фраках.

1 Давид Тенирс (1610–1690), фламандский художник.

ГЛАВА XIII

ПОДАРОК ИЗ КАНАДЫ

После лодки Артур стал зариться на парусник. Однажды днем Лапочка вернулся очумевшим от радости, потому что опять больше ничего не слышал, и Артур понял, что должен отказаться от своей идеи, вместе они придумали знак, обозначавший на языке жестов имя орла. У Лапочки начались новые приступы тошноты, и Артур совсем потерял голову. Лапочка снова забеременел, и Артур сказал ему:

– На этот раз мы его оставим, уж как-нибудь выпутаемся.

Они пошли объявить новость отцу Фальконе. Он был в мастерской, счищал нервные окончания с вывернутой шкуры бурого медвежонка, которую собрат отправил ему из Канады. Артур и Лапочка подумали, что он собирается надеть ее, как обычно, на волосяной каркас, сделав чучело для гостиной, но отец Фальконе сказал, что готовит себе одеяние для будущего карнавала. Он ничего не желал слышать о беременности; под потолком, сидя на веточках, птицы гадили в бумажные лоточки. Лапочка собрался переодеться в лебедя, а

Артур сказал, что подумает, у них впереди была еще целая неделя. Отец Фальконе радовался мысли, что медвежья шкура у него на спине всех распугает, он выбрал в ящичке для глаз два радужных шарика, которые, казалось, метали молнии.

Полиция заявилась к Лапочке домой, и инспектор Левассёр обшарил там с лупой каждый квадратный сантиметр, он даже забрал несколько образцов древесины, отколотой от мебели, и соскобленные с одежды волокна, он собирался их изучить в надежде, что они выдадут, откуда появилось чудище, сгубившее леди Бигуди и киномеханика из «Арены». Дрянной детектив и не заметил, что на пальцах сообщников еще остались следы краски, которой они подкрашивали волосы, украденные у трупов в морге.

ГЛАВА XIV

ЛАПОЧКА ИЗДЕВАЕТСЯ, КАРНАВАЛ НАКРЫВАЕТСЯ

Как у всех в подобном положении, у Лапочки возникали неожиданные желания, он отправлял Артура за отваром из плодоножек черешни, чтобы приготовить снадобье; когда был грустен, громко хохотал, а, когда был весел, рыдал навзрыд, Артур стал его покорным слугой, он немедленно шел покупать все, что требовал Лапочка, чаще всего белую смородину, мерзких фарфоровых улиток, похабные иллюстрированные журналы, он пресмыкался, чтобы угодить ему, он мыл его и оборонял его живот, как ревнивый зверь, целовал его каждый вечер и ночи напролет не спал лишь для того, чтобы беречь его сон, у него была навязчивая идея, что газовая печка сломается и прикончит их, он постоянно вставал, чтобы помахать спичкой над чугунной решеткой.

Артуру надоело мясо, и он ел только вареные овощи, фрукты и фруктовые пюре, он питал слабость ко всему, что поносил Лапочка: к артишокам, сладкому корню, мангольду, шпинату, свекле, тогда как Лапочка с жадностью заказывал

мозги и почки. Они вместе принялись сооружать люльку, которую хотели сделать огромной, роскошной, легкой как ялик и защищенной как клеть. Деревенская ясновидица сказала, что у ребенка Лапочки будет орлиная голова. Лапочка выблевал всю еду, что доставляла ему такое удовольствие. Они рассматривали морские карты, чтобы решить, к каким холодным или теплым водам направят парусник. Артур, больше не евший мяса, исхудал. Настал канун карнавала, он до сих пор не придумал себе костюма, не дал Лапочке приехать туда в телеге наряженным лебедем, так как боялся резких толчков: ему часто снилось, что они теряют ребенка. Утром в день праздника барабанщик, узнав о том от синоптика, горланил по улицам, что праздник отменен из-за плохой погоды.

ГЛАВА XV

МРАЧНАЯ СЕМЕЙКА

Лапочка был сиротой, но у него имелся крестный, к которому он ходил, чтобы забрать новогодний подарок. Это происходило в декабре незадолго до Рождества или, если он забывал, позже, в феврале. У крестного отца Лапочки была жена и двое детей. Когда Лапочка звонил в дверь, около девяти или десяти часов вечера, все уже лежали в постелях. Отец надевал домашний халат и, просовывая ноги в шлепанцы, шел запереть сторожевую собаку, за ним шла заспанная жена, и двое детей в свою очередь высовывали головы из дверей и смотрели на посетителя. Лапочка почти всегда оставался за порогом, мой отец открывал дверь, обнимал его и вкладывал ему в руку купюру в пятьдесят франков, которую, поднявшись после звонка, доставал из кармана висевшей в шкафу куртки. Лапочка всегда казался нам бледным и зябким, одетым холодно, и, когда отец касался губами щек Лапочки, мы в тишине говорили себе, что они должны быть очень нежными, но Лапочка уже благодарил отца, закрывавшего дверь, мы возвращались в кровать, фантазируя о том, как он мог бы потратить деньги.

Однажды Лапочка пришел днем, когда отца дома не было; никто не мог отдать ему франки, и Лапочка, прежде со мной не разговаривавший и меня не касавшийся, взял мою руку и увлек под накрытый скатертью стол в столовой. Я никогда не осмеливался устроиться там на корточках, он посмотрел на меня в полутьме и поднял свитер, чтобы дать мне потрогать его белый круглый живот, я провел пальцем по впадинкам его пупка, он опустил свитер и ушел. Я его больше не видел, так как на следующий день он уехал с Артуром на океан.

ГЛАВА XVI

ЖЕРТВЫ

Артур вернулся пьяным. Он не появлялся в течение четырех дней. Дабы купить матросские гимнастерки, спасательные жилеты, бакены, сигнальные ракеты, галеты и рыбий жир, он отправился в ближайший город подзаработать собственным обаянием. Он переоделся и отдал себя в морщинистые руки, чувствовал гнилостное дыхание, шептал слова любви уже остывшей плоти. С каждым смрадным дуновением, с каждой черствой лаской он думал: матросская блуза для Лапочки, пропитание на четыре дня в случае кораблекрушения. Он пил пунш, чтобы терпеть оскорбления, он не жаловался, запасался шерстяной одеждой, плащами с капюшоном, паштетами, баллонами пресной воды, он подновил лаком деревянную часть кокпита и купил новый флаг, приказал залатать разорванные полотнища парусов.

Артур вернулся пьяный, переполненный пуншем, очищенный пуншем от городских безумий и нелепиц, разбудил Лапочку, растряс его, надавал пощечин, вытащил из кровати, силой схватив под мышками, взвалил себе на спину, повязав ему на голове узел, как у негритянки. Лапочка спал очень

крепко, каждый вечер он заглатывал горсть гранул, обеспечивавших самое глубокое забытье. У него не было больше никаких сил ждать и тянуть руку во тьму, в пустоту, в ту сторону, в которой должен был бы находиться Артур, заставляя вращаться светящиеся стрелки часов до тех пор, пока руку не сковывали судороги.

Артур вернулся пьяный и насильно одел Лапочку, пока тот, вялый, словно у него размякли все кости, пошатываясь, стоял в кровати, Артур поднял ему сначала одну ногу, потом другую, чтобы натянуть на него трусы, затем брюки, он заставил его поднять руки, чтобы просунуть его растрепанную башку в свитер из больших синих петель и расчесал ему рукой волосы, потом откостерил море, сплюнул и сказал:

– Встряхнись, мы отчаливаем!

Но Лапочка воспротивился: он хотел прихватить сумку с хирургическими инструментами и астрологическую подзорную трубу, а Артур забыл морские карты, обозначавшие, где расположены острые подводные скалы и айсберги.

Все это происходило ночью и, чтобы избавиться от жалоб Лапочки, он завернул в полотенце тюбик сгущенного молока, перочинный нож, фруктовую зубную пасту, монокль, Лапочка так изжевал перчатку, что она вся порвалась. Пьяный от непотребного пунша, Артур обзывался на луну и проклинал звезды, Лапочка висел у него на плечах, на голове покачивался баул, пока не свалился из-за непослушной пряди, хотя этого никто не заметил, его так и оставили на дороге, утром один болван подобрал его и отнес в бюро находок, неприятного вида женщина зарегистрировала в учетной книге корзиночку с тутовником, лупу, малосольные огурцы, шумовку и гаркнула над перечнем: «Как же! Черта с два!»

ГЛАВА XVII

БУРЯ

Это был не фрегат, не шхуна, даже не обыкновенный корабль, а всего лишь небольшой баркас, у которого Артур обтесал носовую часть рубанком, простой кусок дерева, на который он натаскал вразнобой всякой оснастки. Лапочку разбудила сильная морская волна. Едва Артур снялся с якоря, как барка была унесена бурей. Они должны были привязать себя друг к дружке и потом к мачте. Стрелка компаса более не показывала никакого направления, Артур привязал себя к румпелю, Лапочку же, словно околевающего у его ног щенка, беспрестанно рвало морской водой, он засунул в рот платок, но вода с каждой волной, при каждом вздохе лилась внутрь через нос. Кожа под одеждой вся пропиталась водой, он дрожал от холода, на горизонте не было ни единого проблеска, они плыли во тьме, не нашлось ни свечки, ни фонаря, у Артура не хватило времени зажечь огни на мачте, чтобы обозначить их местоположение. Внезапно их накрыла самая высокая волна, и Лапочка почувствовал, как губы Артура коснулись его век, однако он уже не знал даже, кто он сам – черешок,

личинка или осколок, он лишился сознания, тучи вокруг них расступились.

Лапочка очнулся на смертной койке, с банной рукавичкой, пропитанной камфарой, на лбу. Артур пробовал снять с него одежду, но вымоченная кожа слиплась с бельем, он ходил в воде глубиною с метр, к счастью, резиновые сапоги доставали почти до бедер. Он одним движением сорвал паруса и свалил их в большой мешок, корабль вышел из ветра и теперь продвигался вперед в тихом плеске, ведомый течением, буря стихла как раз в тот момент, когда второй вал стал бы для них роковым, пенистые гребни опали, ветер утих, но Артур в глубине кокпита не мог увидать в том никакого чуда. Лапочка, придя в сознание, сам снял с себя матросскую блузу и тельник, которые в ожидании солнца пришлось несколько раз выжать. Артур опустил руки в трюм и на ощупь вытаскивал из заполнявшей его воды герметично закупоренные цилиндры с пергаментами, циркулями, сменной одеждой, бельем и бумагой, еда в прямоугольных железных банках хранилась в другом месте. Лапочка отдыхал на койке, и в это самое время, прежде чем он оделся, Артур поцеловал его в живот, и сквозь кожу, мышцы, нервные окончания и все, что их окружало, то более, то менее длинными и перемежающимися жаркими выдохами, заново овладевая азбукой Морзе, которую изучал, чтобы передавать сообщения и держать связь с другими судами, Артур в первый раз заговорил со своим сыном, он вымолвил:

– Остерегайся бурь и огради нас от них!

Промокшая одежда была развешана вместо парусов на мачте, пока не задул ветер, рассвело, и розовая заря вывела все чернила. Лапочка даже не задремал, Артур закрепил руль амортизационным

шнуром, чтобы идти немного против течения, он разложил карту и начал чертить линии, равноудаленные от побережий и островов, но компас по-прежнему вертелся вслепую сам по себе, а Артур не мог расшифровать написанные на картонке названия, он не умел читать.

ГЛАВА XVIII

МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ

В одном из цилиндров Лапочка нашел маленькую круглую коробочку, полную рыболовных крючков, которые он подточил напильником. Ему приспичило наловить морских коньков, однако, любой натуралист сказал бы ему, что ни один конек не может плавать в такой холодной воде, он ловил лишь морских звезд, он не сушил их, а вычищал, выбрасывая мягкие иглы обратно в море, и складывал совсем гладенькие в карманы.

Когда он скучал, он наполнял пузырьки морской водой. Он освободил все медицинские склянки от содержимого; ползая на четвереньках по кокпиту с желтым ведром, он выливал и наполнял флаконы, опять затыкал их резиновыми крышечками, настолько вода повсюду вокруг отупляла его, и руки от воды разбухли.

Артур надел матросскую шапочку и продолжал вычерпывать воду из трюма, прошло уже два дня с тех пор, как их унесло шквальным ветром, и они до сих пор не спали.

Лапочка расколол орех, чтобы добраться до сочной мякоти, и, поскребя скорлупу ногтями,

опустил ее на воду в ведре, скорлупа держалась на поверхности; Артур пел:

– На утлой лодчонке однажды поплыли
Двое парней
Они друг другу тогда говорили,
Что мать не знает о ней,
И синие волны тогда рассердились,
Порвались паруса, мачты за борт свалились…[1]

Лапочка вылил воду вместе со скорлупой из ведра и съел желтый и горький плод.

Они больше не знали, где плывут, компас ничего не показывал, а карты, казалось, изображали какие-то иные материки, иные миры; крошечные цифры, плававшие меж берегов, не соответствовали никаким известным обозначениям, не удавалось выбраться из опаснейших течений, и их относило все дальше.

Лапочка спал. Чтобы его меньше укачивало, Артур привязал его к кушетке, был день, однако, он нес вахту, уже больше не укрываясь от ветра, ветер дул ему прямо в лицо, и не было там иного владыки, ветер кружил, они кружились с ним вместе, вертясь, как стрелка в разные стороны.

За сорок два дня они опустошили запасы провианта. Консервированная перепелка пошла в ход первой, чтобы проще было справиться с бедствиями. Оставались лишь безвкусные галеты из водорослей, немного арахисового масла, и еще они удили рыбу, Лапочка выкинул всех морских звезд, чтобы освободить карманы и склянки, перчатка была изорвана острыми рыболовными крючками. Они добывали жалкую рыбешку, не похожую ни

---

1 Артур произвольно цитирует слова песни «Легенда о синих волнах» *(La legende des flots bleus)*, которую исполняла Берт Сильва (1885–1941).

на что знакомое, невыносимо отдававшую тиной и гадко скалившуюся, когда они потрошили ее живьем; Лапочке это снилось.

Чтобы справлять нужду, они, как во время бури, разматывали снасти и привязывали себя друг к дружке, опасаясь, что их схватят незримые челюсти, сновавшие в темной поверхности за кормой.

ГЛАВА XIX

ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ

Сорок два дня (Лапочка вел судовой журнал) они лавировали вслепую, тащили за собой якоря, пересекали параллели и меридианы. На рассвете сорок третьего дня их разбудил сильный толчок: корабль задел что-то твердое, они вышли из каюты и увидели, что оказались внутри ледяной цитадели, необъятной крепости, в которой были башни, уступы, лестницы, и не было ни одного живого человека, ибо во льдах был заточен дух, пытавшийся выбраться и стонавший посреди холода; они различили жалобный вздох, но подумали, что это, подобно сваям фундамента, скрипит лед. Поднялось солнце и тремя лучами растопило крепостные стены, они ускользнули в то же самое время, что и пленный дух. Им хотелось есть, но из страха перед божественным отмщением они не прикасались к собственным экскрементам, каждый имел право пососать пальцы только что поевшего, выпотрошить каракатицу или подтереть задницу. Голод растворился в плотском желании, которое на расстоянии приковало их друг к другу одним жгучим взглядом, и в котором они не могли сами себе при-

знаться. Так как больше не существовало курса, которого нужно было придерживаться, один лишь переменчивый ветер повелевал им ослабить на несколько отметок канат, скручивавший руль, они засыпали блаженным сном, больше не страшась бурь. Каждый вечер, лежа бок о бок, они приподнимали ноги под одеялом и, не говоря ни слова, без придыханий, не шурша тканью, даже не задерживая дыхания, одновременно брызгали семенем себе на животы; вместо того, чтобы смешать его, перепачкавшись, они оставляли семя впитаться в ткань тельников, в этом месте желтевших, было слишком холодно, чтобы стирать одежду, она бы сразу обледенела и стала твердой, зародыш медленно рос в животе Лапочки, но Артур с ним не разговаривал, он позабыл о его существовании.

ГЛАВА XX

АРТУР И АРТУР

Сомнамбулической ночью Лапочка получил распоряжение порвать все карты, разбить компас и выбросить в воду оставшуюся провизию. Волею того же распоряжения, когда проснулся, он был избит до крови Артуром. У них остался лишь никудышный лот: они пустили его по течению и порой он застревал в вязкой черной илистой глубине. Артур знал, что глубину измеряют саженями и футами и записывал ее каждый день в бортовой журнал Лапочки, который еще не был принесен в жертву.

На пути они встречались с различными вымыслами, может быть, это были всего лишь галлюцинации, вдохновленные их слабостью, воспоминания из детских книжек. Таким образом, на закате сорок шестого дня, когда на море был штиль, необоримый голод толкнул их прыгнуть в воду, словно чтоб покормиться планктоном, и им казалось, что море кипит, а, поскольку садящееся солнце струило в него свой кровавый сок, они подумали, что купаются в крови только что вспоротого кита, и глотали этот бульон и даже видели огромный

черный остов животного, зацепленный судовыми талями. На палубе вдали суетились крошечные силуэты, и Артур стал выкрикивать имена Ахава и Исмаила[1], но не услышал ответа.

На пятьдесят четвертый день они заметили корабль-призрак, который однажды встречал во время дрейфа Артур Гордон Пим[2], они видели омерзительное гниение чумных тел, привязанных к мачте и раздираемых, словно марионетки, клювами морских грифов.

На рассвете шестьдесят седьмого дня их разбудил горн, затем ясно различимый приглушенный хор сотни скорбящих моряков, и они увидели, как в небе вырисовывается величественный танцующий силуэт марсового матроса Билли Бадда, подвешенного к фок-рею за непокорность, и каждый раз пронзительное сияние солнечного луча или вечернее скопленье плотного тумана восхищало их своими видениями, они щипали себя, кричали, и все пропадало.

---

1 Герои романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». Далее упоминается герой его повести «Билли Бадд, фор-марсовый матрос».

2 Герой романа Эдгара Аллана По «Повесть о Приключениях Артура Гордона Пима».

ГЛАВА XXI

АНТРОПОФАГИЯ

Страдая лунатизмом, происходившим от притупления нервов, по которым в безумии скрежетали смычками усталость и голод, Артур начал отрицать, что земля – это сфера, и, словно тронувшийся ученый, расстелил последние куски пергамента, чтоб рисовать на них круги и нелепые пересекающиеся линии. Губы Лапочки растрескались из-за соленой воды, которую он пил каждую ночь исподтишка, тайком, с жадностью, привязывая себя к мачте и свешиваясь за борт до самой пены, прошло уже четыре дня, как в бутылях не осталось ни капли пресной воды, а только лишь слишком быстро испарявшиеся слезы и моча, превратившаяся в густую жидкость с темно-желтыми сгустками. Ночью семьдесят второй вахты Артуру приснился спасительный сон, в котором он надрезал живот Лапочки, чтобы пригласить его, словно на пиршество, вместе отведать липкого зародыша, у которого уже были видны ротик и пухленькие пальчики. Сон вовсе не развеялся с пробуждением и неотступно преследовал Артура, и он рассказал бы о нем Лапочке, если бы семьдесят четвертый день не был отмечен новым явлением.

ГЛАВА XXII

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Их окружал густой туман, они израсходовали сигнальные ракеты на третий день, когда впервые напились и икали от пунша. Туманный горн, на который они уже столько раз жали, значительно ослабел. В непроницаемой белизне заунывно звучало эхо далекого колокола, закрепленного на бакене. Ни один порыв ветра не гнал корабль; море, скрытое белесой курящейся пеленой, застыло. Они стояли на палубе, держа руки козырьком, пытаясь различить бакен, дабы бросить возле него якорь, когда в нескольких метрах появилось жуткое чудище: словно стальной кашалот, ржавое доисторическое животное с входным люком, прожектором и сходнями, с которых стекали последние капли, образовавшиеся от пара, всплыла гигантская подводная лодка и фасеточным взглядом уставилась на них, замерев в угрожающей тишине. Вначале они укрылись в каюте, потом вновь поднялись на кокпит, чтобы посмотреть и подождать, когда лодка, казавшаяся очередным видением, соблаговолит исчезнуть, лопнет, словно пузырь. Артур не переставал давить на туманный

горн, Лапочка прижался сзади, словно Артур был укрытием, оба забыли о голоде. Подводная лодка больше не двигалась, она всплыла полностью, казалось, в ней никого нет, хотя лишь человеческая рука могла привести в движение рычаг, заставивший ее подняться над водной гладью. Артур запрыгнул в маленький ялик, плававший позади корабля, как ореховая скорлупка, и сделал знак Лапочке, чтобы тот присоединился. Гребя веслами, они трижды обошли подводную лодку, выкрикивая ругательства на трех языках, но никто так и не высунул головы из люка, крышка не сдвинулась ни на миллиметр, иллюминаторы оставались темными, словно задернутые занавесом; прежде чем запрыгнуть в ялик, Артур засунул разделочный тесак за голенище сапога. Голод заставлял течь слюну, словно у дикого зверя, на ворот его рубашки, Лапочка за его спиной читал молитву. По прошествии часа животное по-прежнему не двигалось, они решили причалить к нему, но мостки были очень высоко, Лапочка поднялся на плечи Артура и оперся о боковую часть, Артур протянул ему швартовый трос ялика, чтобы закрепить его на кнехте подводной лодки, Артур забыл поставить судно на якорь, прежде чем его покинуть, обманутый отсутствием течения, он второпях прыгнул в спасательную шлюпку; теперь корабль плыл в тумане так далеко, что взгляд его уже не мог различить. Подтянувшись на руках, Артур тоже поднялся на мостки подводной лодки, и они оба принялись расхаживать взад и вперед, их шаги гулко отдавались в стальном корпусе. Они даже стучали по обшивке, как стучат в дверь, но никто не отвечал, и чудовище не хотело даже выпустить вздох пара; в конце концов, они проникли внутрь, без труда открыв входной люк. Там обнаружилась

длинная темная кишка с начинающимися прямо возле проема ступеньками лестницы, сделанной как попало, из простых приваренных друг к другу стальных стержней. И вот, наконец, они вошли в пещеру, освещенную, словно для торжественного вечера: там были обрамленные гравюры с видами извергающихся вулканов, искусно украшенные множеством арабесок шелковые ковры, где-то недалеко звучала легкая музыка, напоминавшая польку, посередине возвышался стол с белой скатертью, на нем блюдо с гусиной печенью, пара нежных свежих омаров, разложенных на листках маш-салата, жаркое из оленины, бутылка игристого вина в ведерке со льдом, корзинка с малиной; для кого же приготовили такой праздничный ужин? На одном из двух стоявших напротив друг друга кресел был перекинут длинный офицерский плащ, подбитый горностаем, а на краю лежала фуражка с галунами, на другом кресле – узкое прямое платье и, также на краю, брошен парик из светлых локонов, а в ногах красные туфельки. Но Артур уже обеими руками загребал гусиную печень, а Лапочка, пренебрегая жарким, танцевал джигу, в каждой руке держа по омару, пробка шампанского вылетела, разбив вазу, и никто не появлялся, чтобы застать их врасплох и наказать.

ГЛАВА XXIII

ВСЕ РАЗДЕВАЮТСЯ

Слишком быстро захмелев, так как они не пили ничего крепкого с тех пор, как Лапочка выбросил весь запас айвовой наливки за борт, Артур приказал ему раздеться донага, а потом надеть женский наряд, сам же сменил колючую куртку из грубой шерсти на офицерский плащ, который напялил наизнанку, демонстрируя его снежную белизну. Глубокий вырез прекрасно смотрелся на хрупкой спине Лапочки, усыпанной на лопатках веснушками, полька по-прежнему не прекращалась, хотя они не могли обнаружить, откуда она исходила, и они протанцевали вместе два-три шага, прежде чем рухнуть, очумев от счастья, на китайский ковер.

Но в то же время, развеяв туман, началась буря, и подводная лодка была уже близка к бездне. Разбуженные резкими толчками, они продолжили разведку, Лапочка даже не заметил смехотворность своего нелепого наряда и делал все так, словно был одет, как мальчик. Парик из светлых волос он сорвал во сне, и было странно видеть его опрятный мальчишеский затылок и

женскую одежду. Но Артур особо не беспокоился, он только что нашел в большом пластиковом пакете бальные принадлежности, тещины языки, серпантины, а еще глубже, среди остатков еды – женский скальп с выдранными прядями черных волос и тонкую, холодную женскую руку, которая зацепилась за его пальцы, как если б всю жизнь за них держалась. Он содрогнулся, отбросил мешок с рукой в сторону и поспешно завязал на нем узел, он не хотел, чтобы Лапочка видел подобные вещи. Они попробовали выбраться наружу, но буря была очень сильной, цепь ялика порвана, их корабль за пределами видимости, и следовало теперь погрузиться поглубже, чтобы избежать качки.

ГЛАВА XXIV

КОРСАРЫ

Люк, спрятанный под ковром, и кривая лестница вели в машинное отделение. В адском грохоте турбин и насосов, утонув в парах хаммама, они почти сразу же споткнулись о два тела, лежавшие возле топки: разумеется, они принадлежали не тем, для кого предназначались праздничный ужин и одежда, потому что это были тела метисов, они были наполовину голыми, в набедренных повязках, нити их сплетенных волос выбились из-под тюрбанов, рядом с одним телом валялась сабля, соски и ноздри были проколоты кольцами, из губ и ушей вытекали струйки темной сверкающей запекшейся крови, словно покрытой лаком. Они лежали, обнявшись, и Артур с отвращением отодвинул их сапогом в сторону, он не хотел, чтобы Лапочка смотрел на развратных пиратов. Дверь с нарисованным черепом вела в левой стороне зала к некоему подобию кабинета или наблюдательного поста: в большом иллюминаторе, когда поднимали заслонку, виднелись морские глубины, на приборной доске, меж рычагов и руля управления все время трещал передатчик, донося голос,

говоривший на незнакомом языке. Артур надел наушники и попытался сказать что-нибудь в микрофон, но гнусавый голос человека, который, казалось, его услышал, принялся хохотать, а потом прервал связь. Они вновь очутились в тишине. Артур попытался восстановить контакт, нажал на несколько кнопок, стукнул по микрофону, заорал, все напрасно. Он оказался капитаном подводной лодки, о чем мечтал все детство, но было слишком поздно, это не имело теперь никакого смысла. Он всем телом навалился на самый большой и сопротивлявшийся рычаг, который вдруг поддался, в одну секунду унося их в самую глубину и заставляя дрожать все вокруг, как венецианскую стеклянную лавку во время землетрясения; пока Артур выправлял рычаг, Лапочка, потеряв равновесие, ударился головой о деревянный угол и лишился чувств. Артур не только стал командующим подводной лодки, не имея никакого представления о ее управлении, но должен был еще превратиться в медбрата, найти аптечку и бинт, чтобы сделать повязку на голову Лапочки, так и не снявшего платье. Проходя мимо отсека для погружения или поднятия в другом конце машинного отделения, он заметил застрявшие в задвижке обрывки шелка и тех черных волос, что были в мешке для мусора. Он подумал, что через этот люк они и избавятся от двух чужаков.

ГЛАВА XXV

АКВАЛАНГИСТЫ

Кровати были мягче, чем у них на корабле, они ощутили в них тяжелые ароматы, мускус, амбру, а также более свойственные кроватям запахи. Артур развалился, как зверь в отсутствие хозяев, не подозревающий, что за ним наблюдают, потом уложил на кровать все еще не пришедшего в сознание Лапочку и сделал ему на лоб повязку из белой тисненой ленты с темно-синими прожилками, снятой с флакона с эфиром. Он привел его в себя, поднеся к носу корзинку из-под малины, в которой остался пронзительный запах сочных загнивающих ягод.

Поначалу они не заметили, что около герметичной двери эвакуационного коридора на вешалках, обшитых старым розовым шелком, висели два комбинезона аквалангистов, странным образом сшитые по их размерам: на наблюдательном посту, за широким окошком из такого прочного стекла, что оно выдерживало давление множества тонн воды, вырисовывались лианы штагов, поломанные иглы мачт затонувшего судна, наполовину ушедшего в ил. Одевшись в зеленые панцири

и защищенные двойными выпуклыми стеклами, они пробрались в него, надеясь на удачный грабеж. Но посудина, потонувшая от собственной тяжести, была нагружена слоновой костью, и бивни, которые они пытались унести с собой, влекли их на дно, так что пришлось всё бросить. Ящики не могли сберечь от влаги порох и пряности, те перемешались с грязью. Они поднялись. Четыре дня ушло на то, чтобы отыскать свой корабль, дрейфовавший к югу. Они ступили на него, как корсары, выставив вперед клинки, опасаясь, что кто-то мог его захватить. Их опасение было не таким уж безумным, потому как они нашли некое существо, столь же перепуганное, сколь и мирное. Это был не совсем морской котик, и не ласка, и даже не грудной ребеночек, и менее того пингвин, но у него – или у нее – было что-то общее с ними: перепонки на лапах, маленькая милая мордочка без клюва, нежный голос и жалобные глаза. Лапочка спросил Артура, нужно ли запереть зверька в клетке или, воспользовавшись качкой, снова выбросить в воду, но, когда на горизонте наконец появилась земля, он уже так к нему привязался, что повсюду выгуливал его на поводке, как домашнюю животину. Артур изощрялся, давая ему смешные имена, а Лапочка так его обожал, что каждую ночь спал вместе, сжимая с той же сердечной силой, что и Бурнуса или Ягнежку в раннем детстве, он так неистово обожал его, что Артур, взревновав, однажды вечером напичкал Лапочку сотней подмешанных в каштановый крем гранул, чтобы спокойно продать на одной из земель редкого зверька первому попавшемуся торгашу.

ГЛАВА XXVI

ОСТРОВА

На самом деле это были даже не земли, а группа полузатопленных островов, жители которых поначалу принялись убеждать их, сколь верят они в благовоспитанность гостей, а потом, дабы подбить их на новые плутни, поведали о названиях.

На Мушином острове их хотели так раскормить, чтобы плоть стала повкуснее к моменту пиршества, однако, многословность хозяев стала уж слишком подозрительной, и они сбежали.

На острове Изменников им предложили отведать на закуску паштет из муравьев и украли их корабль, они снова сбежали, на этот раз вплавь.

Они добрались до Бездонного острова, где их накормили мозгом ара и морским ежом на десерт.

На Гибельном острове их приняли за шпионов и возвратили им лодку.

На острове Кокосов, где священники были одновременно жонглерами и врачевателями, они толкнули дверь церкви и запомнили из проповеди отца, которого звали Афанасий, следующие слова:

– Не в силах сбить сердце с пути истинного явными порочными удовольствиями, они нападают

иным способом, они измышляют фантастические идеи, стараются напугать и принимают облик женщин, зверей, змей, начальников, солдатских отрядов.

На острове Бородачей безбородые служащие поведали:

– Счастливы те, кто путешествует без ломающихся инструментов, без гербариев, коим вечно грозит вымокнуть, без коллекций портящихся чучел животных.

Затем у них конфисковали в качестве налога за пребывание переполненные пташками ивовые клетки, приготовленные к отправке отцу Фальконе и стоявшие на носу корабля, их заставили также отказаться от астрономических заметок и от вершей для ловли речной рыбы.

На острове Воссоздания торговец черепаховым маслом, некий Мелвилл, прошептал им на ухо:

– Лучше спать с голодным каннибалом, чем с пьяным христианином.

На острове Собак их хотели свести с опьянителем рыб, который приторговывал также удавами и электрическими угрями.

На острове Ужей, населенном по большей части дикими свиньями, водяной почтальон, перевозивший письма в хлопковом тюрбане на голове, скользя по стремнинам и подпрыгивая на порогах, и носивший на руках бамбуковые латы, отхлебнув тапировой настойки, развязал язык и признался в следующем:

– Когда отправляешься на завоевание душ, все дозволено, и чаще всего желаешь полонить детей мужеского пола.

На острове Висельников старик, у которого на веке была бородавка и кровоточили десны, хотел стребовать с них денег за всякую ахинею, задавал

им назойливые вопросы о величине звезд, о лунных жителях, о тысяче разных вещей, о которых они не ведали точно так же, как и он сам. Он сказал им:

– Звезды – это небесная поляна, пересекаемая рекой.

На острове Младенцев носившая траурную одежду девственница сказала:

– Первопричина зла – женщина, – луна, гонящая валы грехов своих, дабы породить озеро; основа добра – солнце – дробит скалы, дабы явить водопады.

На острове Больших Ушных Мочек они заметили, что у них на ногах истлели сапоги, и злые местные жители, короновавшие убийцу индуса, хотели продать им чулки, пропитанные кураре.

В грязи улиц острова Кругосветного Плавания они шли ночью среди подохших ослов.

На острове Помёта они получили солнечный удар, пытаясь определить изотермическую линию ликвидамбарных зарослей.

На острове Жертв в резных рельефных иероглифах они распознали морды крылатых крокодилов, а также другие неизвестные изображения с огромными орлиными носами.

На острове Тоски они посетили святилище, в котором властители оставались умирать после кончины матери или сына.

На острове Тени они повстречали подростка, который шел в пустоте и говорил, что ступает по золоту, но не хочет унижаться тем, чтобы опустить руку и завладеть им, они посмотрели вниз и увидели под его ногами лишь древовидный папоротник.

ГЛАВА XXVII

ИГРА В БЛОШКИ

На Борнео они пристрастились к игре в блошки: маленькие плоские кружочки, вырезанные из рога, нужно было подкидывать ногтем. Они кидали их россыпью на морские карты, чтобы угадать, куда занесет их судьба или ветер, но еще больше им нравилось смотреть, как кружочки падают на поле игры в «Тринадцать клеток», которую купили у одного резчика. Они наизусть знали эту цепочку – «блаженство», «холера», «богатство», «детская привязанность», «непреодолимое желание», «ранняя смерть», «любовная неудача», «нарыв на пальце», «бездна», «везение в лотерее», «плотская страсть», «дар божества», «неизбежность», – и им нравилось перешагивать через «удачу» и «беду», Артур регулярно застревал в ячейке «зыбучие пески», и Лапочка покидал ячейку «бессонница», чтобы его освободить.

На Бирме они играли в кости с людьми, голова которых была размером с булавочную заклепку[1].

---

1 Возможная отсылка к роману «Человек с головой размером с булавочную заклепку», написанному в 1914 году юмористом Пьером Анри Ками (1884–1958).

ГЛАВА XXVIII

ЛАПОЧКА МЕНЯЕТ ЧЕРТЫ ПЕРЕД ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕМ, КАК СВЯТАЯ АГНЕССА[1]

В Регенсбурге в подпольном борделе китайского квартала Артур хотел продать Лапочку торгашу спиртным, страдающему ожирением мужику, который минут десять не сводил с него глаз, испуская жалкие вздохи, колыша живот, высовывая из слюнявого рта язык и похлопывая рукой по карману, Лапочка ничего и не видел, но Артур, притомившись, взяв Лапочку за руку, поднялся с табурета и подвел к этому типу, говоря:

– Давайте, берите его, он ваш.

Мужчина сразу же вытащил из кармана чеки на двести долларов и легонько хлопнул по заду Лапочку, который был слишком пьян, чтобы понять, о чем торг. Внезапно Лапочка оказался в гостиничном номере с мужчиной, который попросил его раздеться; испугавшись, он подчинился, но тут все его тело стало меняться, спину покрыла частая грубая чешуя, а зад – липкая зловонная пена, на

1 Агнесса Римская (ок. 291–304) – раннехристианская святая-мученица.

каждом соске воздвиглось по паре рогов, рот стянулся так, что невозможно было представить, что там существовало отверстие, волосы обросли колючками и окутали его до самых ног, в паху появились лезвия, острые, словно бритва; мужчина, опечалившись, попросил его снова одеться.

ГЛАВА XXIX

ИЗНУРЕННЫЕ

Ливень в Неаполе загнал их под навес перед входом в отель к укрывшемуся там, как и они, подростку. Они его даже не заметили, но он написал вечером в дневнике:

– Не могу знать, что привело их сюда, если не ливень, загнавший их, как и меня, под навес отеля со створчатыми дверями, поделенными на четыре части, не в тамбур, а перед вот эти самые двери, наподобие закрепленных на осях стеклянных листов, которые прекрасно бы подошли шутовскому уличному театру, так как могли сразу прибить или ударить сзади, в зависимости от того, кем будет клиент – карликом, верзилой или же человеком средних размеров, у них ничего нет, лишь их одежда, две пары глаз и две пары рук, кровь, волосы, которые на другом континенте они могли бы продать, как здесь продают белые зубы, члены, ягодицы, я не знаю, что привело их в такое изнуренное состояние, сколько бессонных ночей, сколько дорог, сколько драк (какая нищета, какие преступления: от них нестерпимо воняет), но плевать они хотели на ливень, на арест и то, где мо-

гут укрыться, – как многие другие, как все незнакомцы, как я, что смотрю на них, – чтоб сразу же заснуть стоя, как лошади, у одного в руке пачка, которая скоро опустеет, и они курят одну сигарету за другой, чтобы не заснуть до последнего, и окурок, падая, обжигает им пальцы, и они разговаривают, не слыша друг друга, не отвечая друг другу, будто стоя на страже, чтобы хоть как-то, но бодрствовать, шум ливня их усыпляет, веки опускаются на глаза, перед которыми простирается белая пелена, головы свешиваются, один из них сразу же оборачивается и кладет голову на опершиеся о дверную перекладину руки, он каждый раз валится вниз, когда кто-нибудь из клиентов входит или выходит, но вот он просыпается – сам по себе или потому, что другой обратился к нему слишком громко, он только поднимает голову и смотрит сам на себя в отражении на стекле и, заметив свое лицо, начинает выкрикивать имя другого, имя друга, Лапочки, но другой спит, и он сам засыпает, эхо от звука этого имени в шуме дождя все-таки будит другого, отвечающего ему с опозданием, но слова его косноязычны, они не похожи на человеческие, как слова тех, кто ничего не слышит, и, может быть, его разбудила всего лишь остаточная звуковая волна или же предчувствие крика, они трясут друг друга, один из них, засыпая, яростно трет лоб, потом расстегивает рубашку, чтобы посмотреть на руку, и касается набухшей вены, из которой, быть может, только что вытекла теплая жидкость, он сравнивает ее с веной другой руки, говорит сам с собой, вновь закрывает глаза, другой, все так же смежив веки, достает из кармана небольшой платок, которым промакивает лоб, потом сжимает его в руке, как ребенок, что не выпускает во сне любимую игрушку, пачка сига-

рет опустела, и мужчина теперь трет лоб с такой силой, что кожа собирается в складки, синяя падальница пользуется их забытьем, чтобы высосать немного крови, они шатаются, они валятся друг на друга, хватаются друг за друга, вставая на ноги, каждый словно попечитель чужого сна, каждый словно кровать другого, словно жена другого, здесь, прямо перед всеми, не испытывая никакого стыда, до тех пор, пока шум прекращающегося дождя не будит их, и они обнимаются, как двое слепых, в потоках воды, я иду вслед за ними (то, что произошло дальше, невыразимо).

ГЛАВА XXX

ЧЕРЕП

Уже минуло полчаса, как подросток шел следом, и заметивший его Лапочка время от времени оборачивался, чтобы проверить, по-прежнему ли он тут. Каланча шагал сзади по зловонным лабиринтам вдоль стоячего канала, меж рыночных прилавков, на которых продавалось протухшее мясо и гниющие фрукты. Они не могли касаться друг друга, но пытались приблизиться друг к другу с помощью этого третьего, дабы чужак стал тайным проводником их дыханий, которые, словно противоборствующие газы, не могли встретиться, не помешав друг другу, сразу же выветрившись или взорвавшись синеватыми и смрадными огнями, и третий делал их союз чище. Молодой француз предложил им денег, и они отвели его в рыбацкую гостиницу; как только дверь затворилась, они набросились на него, словно на зверя, чтобы его загрызть, но на самом деле – чтобы его любить, или любить друг друга, обмениваясь слюной. Кончая, Лапочка ужаснулся, взглянув на юношу: на месте молодого и красивого лица показался череп, беззубый рот оголял бледную и сухую впадину, кото-

рая, мерещилось, задыхается в хрипе, голова, не подпираемая подушкой, с силой запрокинулась так, как если б под ней сломался позвонок, белесые глаза вываливались из орбит, в полутьме виделось, как нос отделяется от кости, и склонившемуся над ним Лапочке, сперма которого только что брызнула юноше на плечо, когда Артур дрочил тому с такой силой, что могла бы сломаться кисть, показалось, что он сам стал черной фалдой плаща могильщика и пьет последнее дыхание жизни.

ГЛАВА XXXI

ЗАТМЕНИЕ

В Буде или Пеште они очутились утром 15 декабря, нагишом пытаясь пустить воду в запотевшем шланге некоего банного заведения, охваченные на открытом воздухе холодом, заманенные нескончаемой туманной поволокой, простиравшейся перед ними, в которую они ступили, невесомо проплыв по трем ступенькам мраморной лестницы, спускавшейся в текучие и бурлящие разводы тумана, рассвет только начинался, баня открывалась в шесть, туда направлялись рабочие, прежде чем спуститься в рудники или войти в конторы, огни на четырех пилонах, окружавших бассейн, погасли, а они по-прежнему плыли в теплом тумане против сероватых, видимых лишь наполовину фигур, внезапно обретавших очертания тощих стариков в резиновых шапочках, игравших кто в шахматы, кто в карты на плавучих досках, с голым торсом на холоде, все остальное в кипучей воде, в которую они и нырнули, толкнув какого-то алкаша, Артур и Лапочка, с вновь показавшимися над водой и испускающими пар плечами, продолжая кругосветное путешествие, подивились, что

некоторые мужчины, вытянув руки, неподвижно держали перед глазами куски черной пленки, они подняли головы и увидели, как над паром, то взмывая, то опускаясь, кружат во́роны, но люди смотрели не на них, они давно к ним привыкли, по пару навстречу друг другу бежали потоки восходящей или же нисходящей силы, являвшие куски окружающего пространства, и над их головами поднимались купола, показывались своды, минареты, башни, крытые галереи обрисовывались и через несколько мгновений исчезали, будто миражи; внезапно, глядя в сторону, куда указывали обрывки черных лент, они заметили на белом полотне тумана, совсем рядом с усеянным брешами бронзовым кругом (лучи света, проникавшие, скрещиваясь, внутрь мавританской бани, пускали по поверхности воды отблески звезд) бледный диск солнца, поглощаемый черным лунным полумесяцем, это было первое затмение, которое они видели в своей жизни, и они смотрели на него до слепоты, и вместе загадали желание.

ГЛАВА XXXII

ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО, НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДЬЯВОЛ

В Сингапуре, за общим столом таверны они познакомились с приветливым европейского вида субъектом, несколько загадочным, представившимся преподавателем по клавесину и наставником некоего молодого графа, только что унесенного в могилу грудной жабой, после смерти которого он пустился странствовать по свету, чтобы отыскать нового ученика. Артур подумал доверить ему Лапочку, но плата за обучение была слишком высока, а Лапочка не только не пел, но все время сидел, развалившись на стуле, не говоря уже о его склонности рыгать и пукать. У человека была заметная особенность: он постоянно держал рядом с собой, словно приклеенный к огромному черному пальто, такого же цвета объемистый растяжной мешок, старательно завязанный несколькими шнурками, скрепленными подозрительной восковой печатью. Если у человека спрашивали, что в мешке, он уклончиво отвечал:

– Партитуры, листки с молитвами и розги для моих учеников.

Они же представляли вещи более страшные: расчлененные конечности любовницы, целебный помет доисторического барашка, детский глаз во флаконе, непристойные буклеты или стереоскопические виды десяти человеческих извращений. Не было и вопроса о том, чтобы попросить человека развязать мешок, как это делали прочие постояльцы, когда входили в таверну, к тому же, за общим столом он все время странно жестикулировал, вертясь на стуле и трясясь над мешком, выбирал самые громоздкие кресла, дабы ни на миллиметр не сдвинуться от своей ноши. Такое жеманничанье не могло не возбудить любопытства, а у Артура, более дерзкого, нежели остальные – в основном, торговцы игральными костями или трубками, – оно вызвало непреодолимое желание вырвать этот мешок. Как-то он помог соседу напиться и затем забрался на стол, чтобы изобразить балаганный танец, немного его отвлечь и в прыжке, который свалит его на пол, словно бы случайно выхватить проклятый мешок, но несчастный так за него цеплялся и так верещал странным пронзительным голосом, что мешок остался зажатым меж ним и креслом. Человек, которого звали месье Бёрлингтон, стал еще более подозрительным, и Артур должен был придумать иную уловку. Он решил пробраться с Лапочкой в номер этого человека ночью, когда тот крепко уснет. Они подкупили трактирщика, чтобы заручиться поддержкой, и к половине четвертого, когда человек спал мертвым сном, они, затаив дыхание, в радостной панике очутились перед его спальней. Вначале они смотрели друг на друга с разочарованием, ибо все шло слишком быстро: мешок с завязками лежал здесь, возле ширмы. Артур взял его и открыл безбоязненно, так как шнур-

ки были развязаны, но, когда он склонился над мешком, лицо его осветилось и он почти обгорел, как от раскаленных углей. Мешок был пуст, однако из него шла козлиная вонь. Артур и Лапочка сбежали, поверив в некие злобные козни и ни минуты не сомневаясь в том, кем на самом деле был постоялец. Мешок с завязками оказался таким же дырявым, как и пальто.

ГЛАВА XXXIII

В КОТОРОЙ НАШИ ПЕШКОДРАЛЫ УСТУПАЮТ ЛОДКУ РОКОВОЙ БАРЫШНЕ

Холодное течение Тихого океана выбросило их к побережью Америки. Они высадились в Сан-Диего, но местные жители были слишком негостеприимными, и они попытались, пройдя Мексиканский залив, сойти на берег более эффектным образом. В Корпусе-Кристи они захотели избавиться от своего баркаса, они вытаскивали из него все, что только могли, три дня и три ночи, тогда-то они и обнаружили, что в трюме обустроил себе жилище осьминог, они порубили его на куски и кинули их к отбросам этого мерзкого порта, они истратили последние деньги, чтобы вытащить киль из воды и отремонтировать его, но поранили руки об острые края покрывавших его моллюсков и вынуждены были бросить это занятие, они покрыли лаком всю палубу и кое-как залатали тряпками дырки в парусах. Но лодочный перекупщик сказал им, что даже подновленная, их милашка не стоит и ломаного гроша, и они полагали, что им удастся избавиться от нее в Юрике или в Юджине, и снова отправились в плавание по Мексиканско-

му заливу. Но течение, на этот раз быстрое, снесло их в противоположную сторону, и они, угрюмые и без денег, пробирались через Атлантику. В заливе возле Аннаполиса, где они хотели сойти на берег, не было свободных мест, чтобы встать на якорь, и они были вынуждены продолжать путь до Галифакса. Там чудесным образом одна роковая барышня купила у них лодку за кошелек, полный двадцатидолларовых золотых монет, которые недавно унаследовала от бабушки. Видя, как лодка уходит в море, Артур покачал головой и очень тихо, словно самому себе, проговорил:

– Ох, недалеко она заплывет, да потонет красавица…

В Галифаксе за одну золотую монету они купили билеты на автобус до Монтгомери: Артур слышал, что там продают недорого хорошие машины. Но наступил сезон паводков, Монтгомери был затоплен этими развалюхами, и они должны были добираться до Озера Дьявола, чтоб отыскать машину, о которой мечтали, старенькую черную бибизику, которая была бы щедро изношена, могла по-особенному еле-еле ползти на спусках, но очумело нестись на подъемах, они заполучили ее за пять золотых монет, и еще у них оставалось шесть. Одна ушла на бритье, стрижку, штопку и провиант – орехи, грюйер, изюм. В аукционном зале в Каламазу они перекупили ящик волшебника. Торги дошли до шести монет золотом, у них больше ничего не осталось, им нужно было как можно скорее начать зарабатывать новым искусством. В ящике были три запертых сундука, они привязали их к багажнику машины и поехали в лес, чтобы разобрать новые сокровища, и закрылись там в старой лачуге.

ГЛАВА XXXIV

СОКРОВИЩА: ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ

Поначалу они растерялись. Они вскрыли сундуки, содержимое которых не удосужились описать наследники и оценщики, и вокруг них оказались разложенные на холстине нелепые предметы, которые не удавалось связать меж собой, а порой и определить их название.

В каждом их трех сундуков было по три больших черных мешка. В первом мешке из первого сундука, хотя мешки и сундуки еще никем не были пронумерованы, они нашли кинжалы, шпильки, гвозди, сабли, иглы и веревку. Второй мешок был полон шляп, шапочек, тюрбанов, одеяний с капюшонами, масок, в одной из шляп был наверчен целый ворох кровавого и замогильного цвета шелковых лент, скроенных с веретенообразными утолщениями и треугольниками, и волос. Третий мешок предназначался для занятий химией: тут были завернутые в вату маленькие флаконы со сжатым кислородом, искусственные стеклянные слезы, резиновые воздушные шарики, множество бутылочек с фосфорным маслом и полученная выпариванием свинцовая соль молочного цвета.

Когда они открыли мешок, появилось слабое свечение, начались всполохи, пошел дымок, и все сразу же развеялось, но они обратили внимание только на ядовитый анилин, содержавшийся в большей части флаконов, способный имитировать чернила или смородиновый сироп и запросто превратить их в отравителей.

В первом мешке второго сундука хранились рожки и кубки для фокусов, яйца и сигары со спрятанными в них игральными картами, малюсенькие мешочки с песком, лоскуты красной ткани в виде рыбок, накладная рука и светящаяся гитара. Во втором мешке был только лишь складной столик на одной ножке, а в третьем мешке – саркофаг. Они подумали, что в первом мешке третьего сундука совсем ничего нет, что его обчистили, но, когда они собирались его выкинуть, из него выпала стеклянная закорючка с черной точкой внутри: это была блоха, и вначале они подумали, что та мертва. Блоха оказалась живой, но не разговаривала. Артур долго ее разглядывал, а потом задал вопрос, который она не удостоила ответом:

– Как же можно тебя выдрессировать, если даже самая маленькая плетка тебя прибьет?

Во втором, самом большом мешке, были спрятаны створки разборной ширмы, поперечина трапеции без веревки, небольшая гильотина, электрические лампочки, заплечная корзина, выкрашенная в телесный цвет стальная муфта, зеркальная розетка, корсет со шнурками и детская мумия. В третьем, самом маленьком мешке, прятались три мешочка поменьше: чтобы не помять их содержимое, все четыре мешочка можно было оставить на прежнем месте. В первом мешке третьего сундука были приколотые к связке образцы разноцветных бантов, бумажные ленты, восковые

шарики и множество различных мелких подпорок. Во втором мешке были только саваны, хранимые в порошке эктоплазмы. А третий мешок явил им записи, сделанные фиолетовыми чернилами, наполовину стертые, а порой и совсем неразличимые. На первой странице обнаруженной записной книжицы они прочитали следующую фразу: «Факир не ест мяса, долго воздерживается от всякой пищи, не состоит в браке и живет целомудренно».

Следующие двадцать восемь страниц были чистыми, но в точности на тридцатой, – ибо, если мешки не были пронумерованы, на всех страницах стояли номера, – они прочитали еще одну фразу: «Пронзите мое тело насквозь, привидение убить невозможно».

Наверху тридцать первой страницы было написано название главы: «Как изготовить привидение».

Но страница была пуста, указания писались симпатическими чернилами. Далее следовали семнадцать томительно-белых страниц. На последней странице была выведена такая вот жуткая истина: «Существование домов, населенных привидениями, объясняется мистификациями, в которые верят порочные дети».

Внезапно Артур побледнел и принялся грызть ногти. Они опустошили все двенадцать мешков, пролистали сорок девять страниц блокнота.

– Недостает главного, – сказал Артур, – волшебной палочки.

От отчаяния они уснули, и этой ночью испарения, исходившие, быть может, из какого-то мешка, соединили их вместе.

ГЛАВА XXXV

ГЛУПОСТИ НАЧИНАЮТСЯ

Утром, по привычке наскоро ополоснувшись, они возобновили осмотр предметов, они вертели их в разные стороны, а некоторые пытались разобрать. Они обнаружили, что все вещи из первого мешка были с подвохом, а вся мебель ненадежной. Концы гвоздей были затуплены, лезвия сабель со скошенными краями; полые галстучные булавки содержали различные жидкости, а рукоятки кинжалов – ртутные капсулы, обеспечивавшие им равновесие. Стулья, как только сядешь на них, разваливались, а вешалки сбрасывали одежду. Даже в тюрбанах были спрятаны потайные емкости с доходившими до рта незаметными трубочками. На дне корзины они нашли старую жеваную карамельку, вероятно, выплюнутую спрятанным туда заскучавшим ребенком.

Артур постановил, что нужно действовать обдуманно, тогда-то и начались безрассудства. Они были еще далеки от ловкости, позволяющей делать предметы незаметными или видеть, что скрывается за самыми непроницаемыми для взора вещами, так что занялись катастрофическими

опытами. Гильотина, конечно же, не имела никакого отношения к номеру с блохой, последнюю они выпустили из склянки, чтобы разрисовать белой фосфоресцирующей краской из флаконов мешка для химических экспериментов, затем одели ее в костюмчик черного бархата, в котором она почти тотчас и умерла, приконченная ядовитыми испарениями от росписи. Пришлось засвидетельствовать, что их капитал уменьшился. Лапочка пошел в лес, чтобы найти замену, и отыскал там муравьеда, от которого в клетке с подвохом вскоре осталось мокрое место, хотя они собирались немного с ним помудрить. Они принялись стрелять по прочим зверушкам и поранили их. Они собрались магнетизировать змею и были покусаны. Они стреляли по собственным теням, но те не поддавались. Артур сказал, что нужно теперь отыскать волшебную палочку из янтаря или слоновой кости, отправиться по городам, посетить спиритические мастерские, приемные сомнамбул и найти учителя, которому будут подражать. Они снова все запаковали и пустились в путь.

ГЛАВА XXXVI

КАК СЪЕСТЬ СЫРУЮ КАРТОФЕЛИНУ

Они остановились в Оклахома-Сити, так как афиши на обочинах дорог объявляли, что там выступит медиум. Сразу же направились в театр, чтобы заранее купить билеты в ложу, однако забыли, что у них больше нет денег, и Артуру пришла мысль уступить медиуму часть оборудования взамен на его уроки. Они взяли с собой сундук и подтащили его к служебному входу. Был день. Консьержка доброжелательно позволила им войти. Но комнатка учителя была заперта на висячий замок, как одна из индийских клетей, в которых он скрывал тигров. Они постучали, безрезультатно. Лапочке показалось, что в глаз ему вонзилась тысяча игл, когда он попробовал посмотреть в замочную скважину, и второй раз он не стал этого делать. Может быть, медиум предавался духовному созерцанию, может быть, красил ступни, может быть, заснул, может быть, напивался в каком-нибудь городском притоне; они уселись друг подле друга на клети. Дверь, покрытая сверкающей красной краской, внезапно отворилась, явив факира в красном

ореоле подкладки черной шелковой накидки, закрепленной на плечах двумя брошками в виде раздвоенных дьявольских языков: заостренная бородка безукоризненно подстрижена, брови сбриты и нарисованы повыше двумя штрихами, что должно было придавать ему сатанинский вид. Он взгремел, увидев их, и, споткнувшись, чуть на них не рухнул, а потом загоготал, когда они внесли в комнату и распаковали свои вещички:

– Барахло, барахло! – воскликнул он. – Но я сделаю вас помощниками в зрительном зале, мой партнер бросил меня на той неделе, и с тех пор номер не такой пикантный, я тщетно ищу ассистента, который будет ни слишком безвольным, ни слишком алчным, и вы прекрасно подойдете, мы станем путешествовать вместе, вам будут рукоплескать, будем останавливаться в самых больших отелях…

Артур был живо переодет в санитара, а Лапочку выставили из театра, чтобы он объехал город, скача верхом на метле: санитар Артур вечером на сцене театра Оклахомы должен будет засвидетельствовать, что маг загипнотизировал ребенка.

Однако на второй вечер он их не щадил. Под предлогом, что он околдовал выбранных наугад зрителей, он заставил их спустить штаны, чтобы все позубоскалили над их тощими ногами, и дал каждому съесть по сырой картофелине. Грызя постыдные клубни, они должны были, согласно отрепетированному, стонать от удовольствия, говоря:

– Вкусно, как ананас!

Но на третий вечер, когда шарлатан подал наколотую на край сабли новую сырую картофелину, приказывая ее сожрать, Артур возмутился:

– Да, месье, я ее съем, но только тогда, когда вы заплатите нам за вчерашнее выступление, за которое с нами так никто и не рассчитался.

ГЛАВА XXXVII

КОЛДОВСКОЙ ПАЛАНКИН

В зале поднялся страшный гомон. Медиум попытался скрыться через партер, но некоторые зрители уже засучили рукава и загородили плотными телами запасной выход, возчики и раздельщики туш Оклахомы не любили, когда им втирали. Гипнотизер опять поднялся на сцену, чтобы проскочить через другой ход, прополз между ног хотевшего его остановить Артура и столкнул в кулисах к чертям собачьим складной паланкин, забрался на него, чтобы дотянуться до форточки, вылез через нее и исчез в парке. Паланкин же, обрушившись, исторг здоровущее бледное задохнувшееся тело, наряженное в костюм египтянина: это был еще один помощник, которого медиум хотел облапошить и которого удушило заржавленное устройство в потайном отделении. Паланкин просто стоял в самом темном углу кулис, и доска из мебельного гарнитура фокусника шваркнулась на тело сразу после того, как оно вывалилось наружу, и наново его замаскировала. Никто этого не увидел. Все это время зал не переставал распаляться, и теперь меж партером, амфитеатром и балконом

была лишь одна грозовая туча из пристегивающихся воротничков и сложенных самолетиками программок, вееров, летающих шиньонов и брызг слюны, все это гикало и топало, директор театра поднялся на сцену и попытался успокоить зрителей, единственной его заботой было убедить их, чтобы они не требовали обратно денег, ибо именно об этом они и вопили хором, хотя касса уже опустела; каждый вечер, как только поднимался занавес, директор относил выручку в мелкопошибный бордельчик и бросал три четверти к ногам одной или двух девок, в этом была вся его радость. Он подумал представить Артура и Лапочку публике как двух обманутых помощников, блестящих начинающих престидижитаторов и шепнул им:

– Я подпишу с вами контракт на неделю, если вы сейчас же сварганите мне сногсшибательный фортель!

Тогда Артуру пришла гениальная или наполовину гениальная мысль: не зная, что именно он будет делать, он с помощью Лапочки втащил на сцену развалленный паланкин, поставленный на широкую роликовую доску. Директор спустился со сцены и приказал погасить свет в зале, где одновременно раздалось с сотню возгласов «Тихо!». Артур уже ни в чем больше не отдавал себе отчета: он весь плавал в сияющем пыльном пространстве, сердце колотилось, ему казалось, что все это снится, он не представлял, как будет проходить номер, но знал, что тот должен пройти, из его рта выскакивали слова, о которых он даже и не задумывался, в голове витал сплошной туман, он был словно одурманен: пошатываясь, он поведал публике об особенностях этого устройства.

– Колдовской паланкин! – воскликнул он.

Он взял доску, скрывавшую труп, и, вытянув руки, продемонстрировал ее публике:

– Деревянная доска, простая деревянная доска, гладкая, ровная, без зазубринки, сами можете убедиться!

Но лучи прожекторов только что осветили мертвеца, и публика затаила дыхание, Артур понял: что-то творится, заметил, что взгляды людей с передних рядов прикованы к его башмакам, опустил голову и теперь сам увидел покойника. Тогда он воскликнул:

– Этот человек, месье и медам, умер три тысячи лет назад, когда во время охоты на него напали полчища мстительных ястребов, речь идет о египетской мумии самой ранней античности, мы смогли достать ее сегодня вечером из саркофага по специальному разрешению Каирского музея!

Как фокус это никуда не годилось, и Артур даже не предполагал, что так легко отделается, но алчущая макабрических представлений публика оглушительно аплодировала и начала в ошеломлении расходиться. На следующий день Артур и Лапочка были звездами Оклахомы.

Директор театра подписал с ними контракт, который им отдала билетерша, вместе с прикрепленной скрепкой к листкам, полных всевозможных ловушек, купюрой в пятьдесят долларов, так как сам директор уже отправился в трущобы к любовницам. Им надлежало избавиться от трупа, который уже серьезно попахивал. Из-за того, что у них не было никаких соображений по этому поводу или времени, они запихнули его туда, где он находился раньше, и Артур смазал маслом застрявший подъемник, сыгравший роль могильщика. Они переоделись, вышли из театра и сняли на полученные деньги номер в стоявшем прямо напротив отеле: среди такой роскоши они останавливались впервые.

ГЛАВА XXXVIII

ПОХИЩЕНИЕ ЛАПОЧКИ

На следующий день «Листок Оклахомы» отправил к ним фотографа, которого сопровождал местный портной, прихвативший с собой отрез малинового бархата и прямо здесь же скроивший его по меркам, чтобы сшить два великолепных домашних халата. Он обожал, когда его фамилию подписывали под фотографиями звезд в здешней газете, и каждый раз вручал фотографу, чтобы сопровождать его, небольшой подарочек. Таинственный поклонник отправил им огромный букет лилий с визитной карточкой, на которой была выведена одна-единственная буква «Э». Театральный печатник набрал новые афиши, с которых в полдень на всех городских щитах уже стекал клей.

Но Артур не хотел задирать нос, он сказал:

– Это еще не все, теперь нужно покумекать над сегодняшним номером, иначе мы провалимся.

По-прежнему оставалась проблема с покойником, и Артур решил использовать его для мистификации в качестве подставного Лапочки: достаточно было одеть последнего в такой же восточный костюм и загримировать, насколько воз-

можно, под мертвеца, а в местах, где синюшность подделать нельзя, усопшему, наоборот, подкрасить розоватым. Артур назвал номер «Похищение мальчика», это был всего лишь небольшой римейк номера, известного как «Похищение дамы». Он отказался от паланкина, мозаика внутри которого начала плесневеть, и использовал саркофаг, находившийся в одном из сундуков. Переодетый в египтянина, с завязанными глазами, Лапочка должен был зайти в вертикально поставленный саркофаг. Как только крышка еще не поднятого ларя над ним закрывалась, он должен был избавиться от повязки, переодеться и пролезть во второе дно, где до этого прятался труп, а потом выпрыгнуть в открытый позади люк. Далее саркофаг поднимался к колосникам, открывалась за веревку крышка, и зрители думали, что увидят сейчас Лапочку, который скакал в это время под сценой к партеру. Артур вынимал из кобуры револьвер и стрелял в покойника, которому очередная начинка уже не причинила бы никакого вреда. Крышка саркофага затворялась, являя облако пудры, в то время, как двойное дно внутри поворачивалось на оси. Когда саркофаг отворялся последний раз, демонстрируя пустоту, зрители полошились, слыша крик, исходивший из глубины зала, оборачивались и обнаруживали Лапочку, тот был невредим. Первый вечер номер имел огромный успех. Однако Артур хотел обойтись без лживого участия мертвеца. В ночь третьего дня они погрузили его в машине в один из сундуков и столкнули в болото.

ГЛАВА XXXIX

ДУХ, ТЕБЯ ТУТ НЕТ?

На следующий день полиция, уведомленная анонимным письмом, подписанным буквой «Э», перерыла весь театр и допрашивала их до самого выхода на сцену. Каждый вечер они находили в гостиничном номере новый букет лилий, без каких-либо записок, а только лишь с визитной карточкой и навязчивой «Э». Каждый вечер они пытались отыскать в зале лицо, которое бы видели там накануне: временами приходил подаривший им два прекрасных халата портной, появлялся также преследовавший их комиссар, но они не могли представить, чтобы цветы отправлял им один из этих мужчин. Они по очереди дежурили в холле отеля, чтобы подстеречь рассыльного, расспрашивали лакеев, но было очевидно, что цветы приносили, когда они были в театре, за пределами которого они теряли способность раздваиваться.

Комиссару удалось напасть на ведшие к болоту следы колес, по которым он отправил экскаватор, и в итоге лишь потерял одного из своих людей. Он был на волосок от того, чтобы их сцапать, когда

они вдруг пропали. Один импресарио наобещал им золотых гор, они собрали вещи и отправились в турне.

Они разъезжали по благотворительным празднествам, казино на водных станциях и курортах, ярмаркам и балаганам на городских площадях. Днем они рисовали на театральных задниках обманки, распиливали доски, чтобы устроить люк. Они делили гримерные с сомнамбулами и мордоворотами, называвшими себя чревовещателями. Скептики считали их трепачами и разгильдяями, мудрецов же они разыгрывали. Они ходили по воде и повелевали огнем, с неба по их приказанию валились камни. Они меняли судьбы волшебников. Они научились не глохнуть, когда у них над ухом стреляли из револьвера, и вдыхать нашатырный спирт, они демонстрировали расхаживающие в дымных поволоках скелеты. Они носили набедренные повязки из белой тафты и алые тюрбаны, в которых, казалось, скрываются, шипя в огненных всполохах, гремучие змеи; к их мягким туфлям, где пряталась саранча, были подвязаны невидимые шнурочки; на каждой руке у них росло по шесть пальцев; в крошечных полостях под языками прятались слизни и стеклянные ампулы, доверху наполненные кровью, которые их резцы дробили в момент отсечения головы; они сжимали под мышками стальные шары, замедлявшие пульс; они баюкали голубок, чтобы их усыпить, и гипнотизировали кур; они читали мысли нелюдимов и видели флюиды, исходившие от слепых детей; они дематериализовывали напитки; они заставляли проявиться на клочках бумаги портреты знаменитых покойников и строчки великих персидских писателей XII века.

Они были наглыми, нахальными и несли околесицу. Переодевшись монашкой и спрятавшись за портьерой, Лапочка давил огромную грушу, доверху наполненную эфиром, разбрызгивая его на зрителей первых рядов, чтобы те, одурманенные, не могли распознать хитрости. Потом снова надевал свою одежду и срывал с головы какого-нибудь мужчины шляпу, чтобы напялить ее на девку в другом конце зала. Они хотели соединить множество разных вещей и пагубно сочетали черную магию и русское чародейство. Под названием «Бесплотная женщина» они представили номер, который на самом деле был «Охотником за головой». Они напустили в ящик пены, тогда как там должна была прятаться танцовщица. У них зашел ум за разум, и они напрочь перепутали фокусы с растворяющимся платком и перемещающимися монетками. При яванской манипуляции животной каталепсии они с такой силой сжали артерии бедной совы, что у той лопнула голова. На сцене большого театра Сиракуз, когда Артур пытался прикрепленной к запястью пружиной вертеть одноногий столик и с натертыми канифолью пальцами беседовать с духами, он воскликнул:

– Дух, если ты тут, постучи один раз, если тебя нет, постучи дважды.

И, казалось, никто не заметил такой нелепицы.

Беременность у мальчиков должна была, судя по всему, длиться дольше, нежели у девочек, ибо живот Лапочки по-прежнему никак не рос. Но, поскольку Артур опасался, что слишком заметная округлость взбаламутит их выступление, отвлекая внимание зрителей, он смастерил отделанный зеркалами чехол, некую разновидность гладкой балетной пачки, спрятанной под одеждой, которая в желаемый миг могла скрыть полноту.

ГЛАВА XL

ПОКЛОННИК НА БУКВУ «Э»

И повсюду, от Галифакса до Кокомо, от Москвы до Кобальта в гримерных или гостиничных номерах следовали за ними белые лилии поклонника с именем на «Э», и они проклинали их, на чем свет стоит, мяли, топтали или дарили горничным, Лапочка испытывал особое удовольствие, обрывая лепестки, чтобы подтереть ими зад, Артур каждый раз говорил:

– Дерьмовые лилии, пошлое восхищение.

Импресарио покончил с собой. Комиссар гнался за ними по пятам. И везде, от Юрики до Ганнибала, от Рэйсина до Сиэтла, они пользовались бешеным успехом и уезжали из города в тот момент, когда их подлоги вот-вот должны были быть раскрыты, часто их выдавали помощники.

ГЛАВА XLI

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

Артур хотел стать настоящим специалистом по магии, то есть зарабатывать как можно больше денег. Они заманивали посетителей на сцену, дабы привлечь наиболее боязливых, они консультировали на дому и брали плату с тех, кто хотел подняться на сцену, чтобы обследовать бутафорию. Приезжая в новый город, они сразу снимали напротив театра номер в отеле, окна которого выходили на билетные кассы. Им не нужны были бинокли. Как только Артур замечал чью-нибудь шаткую, неуверенную походку, он отправлял Лапочку следовать за этим человеком от кассы до дома. Благодаря простому наблюдению на расстоянии или же расспросам соседей и кумушек на улице, им легко было угадать пороки и недостатки, измены и игральные долги, и вечером, на сцене, под предлогом ясновидения или яснопредвидения изобличить или пригрозить изобличить их. Некоторые зрители уходили с облегчением после расхваленной в программке недолгой консультации в гостиничном номере.

Они выступали в залах с красной обивкой и позолотой, и гостиничные номера, где они при-

нимали зрителей, всегда отличались одним и тем же порченным молью, ободранным и пыльным убранством. С развязанными тюрбанами, отклеивающимися шестыми пальцами, они являлись в домашних халатах, как если бы те придавали им ту же значимость, что второй подбородок судье, они всегда заранее заботились о том, чтобы в комнате пахло восточными благовониями, дабы запах бил в голову их подданным, и стелили простыни, словно смирительные рубашки, для наиболее впечатлительных и бешеных, надевали на глаза повязки забвения, признавали невиновными убийц, отравляли плохих плательщиков, так как яд им дешево стоил, и их мистические речения всегда открывали кошельки. Однажды вечером, когда они обжулили трех бедолаг и одну несчастную, а потом кутили и танцевали, прихлебывая шнапс, вокруг чемоданчика с вываливающимися банкнотами, Лапочку вдруг охватила непонятная тоска, и он знаками попросил Артура поднять ему воротник рубашки, так как у него затекла шея, – это было 12 июля 19…, стало быть, в разгаре лета, – но Артур сказал, что его шея пахнет новогодней елкой, и что для него это лучший аромат в мире.

ГЛАВА XLII

СМЕРТЬ ЛАПОЧКИ

13 июля на дороге, шедшей вдоль Блинд-Ривер, между Индианаполисом и Волчьей Рекой, когда комиссар собирался схватить их во время следующей стоянки, машина, переворачиваясь, полетела в овраг. Артур не знал, сам ли невольно нажал ногой на акселератор, или это Лапочка вдруг повернул руль вправо. Машина взлетела и ударилась о землю. Артур вдруг очутился на дне ущелья: он стоял, держа чемоданчик, полный денег. Он обернулся: машина, упавшая на бок, казалась пустой, он подошел к ней, внутри никого не было, Лапочку, вероятно, выбросило во время падения. Он пошел искать его; клочья тумана, стелившегося в ногах, цеплялись за осколки ветрового стекла, за кузов. Внезапно сундук в машине взорвался, и огненное облако подбросило в воздух части паланкина и саркофага, он подумал, что видит последнюю демонстрацию номера, который назвал «Явление в дымке», однако, не появилось очертаний лица или руки, чтобы как-то обозначить выпавший ему жребий. Внутренний голос приказал ему немедленно бросить чемодан, полный денег,

словно очистки фрукта или грязную обертку, которую отшвыривают, не задумываясь. Так шел он несколько минут, и туман то сгущался, то редел на пути к просвету среди деревьев, тронутых, казалось, каким-то стихийным бедствием, это был лес из елей, у которых спилили часть веток, чтобы деревья к будущим зимам росли густыми. Лапочка напоролся животом на одну из обрубленных ветвей. Похоже, кол пронзил и его ребенка. Артур даже не представлял, был ли он с ним когда-то знаком, ему казалось, он видит насаженного на кол самого себя. Он подошел поближе и заметил, что на голове Лапочки лежит, сохраняя равновесие, стеклянный диск, нимб. Он не стал подходить еще ближе, чтобы поцеловать в губы этого незнакомца или обчистить карманы, но протянул руку и украл нимб, он посмотрел на диск, разбил его о камень и собрал осколки, чтобы зажать их в ладони. Ни одна рука, ни одни щипцы, ни один полицейский и ни один факельщик с той поры не могли заставить его разжать ладонь. Эта рука была будто изуродована; он потерял свое имя, его называли теперь человеком с онемевшей рукой.

ГЛАВА XLIII

НОВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ Т.[1]

Артур поднялся по склону оврага и сел на обочине дороги. Т., путешествовавший тем летом по Соединенным Штатам, ехал на машине вдоль Блинд-Ривер, он заметил Артура и остановился. Вечером он написал мне в письме:

«Он размахивал руками. Лицо и руки были покрыты кровью. Это была не его кровь. Он плакал. Колосящиеся поля у перепутья на берегу океана отливали золотом, как на картине. Я остановился, еще одна машина тоже остановилась. Я понял, что парень попал в аварию, машина упала в поросший ежевикой овраг, ее не было видно, какой-то человек побежал и спустился туда, чтобы ее отыскать. Все движения парня непоследовательны, он был без обуви, то расхаживал из стороны в сторону, то порывался куда-то бежать, садился на пыльную землю и камни возле дороги. Женщина, которая тоже остановилась, пыталась его успокоить, беря в руки его голову и гладя по спине. Он ни минуты не сидел спокойно, если б он мог, он бы

1 Возлюбленный Гибера – Тьери Джуно.

порвал себя на куски. Он, весь в пыли, все больше и больше погружался в отчаяние. Из него нельзя было вытянуть ни одного слова, мужчина вернулся и сказал, что в овраге лежит тело мальчика. Это еще больше усилило его муки, он думал, что убил друга. Мы оказались в далекой глуши, помощь не приезжала. Мне было больно смотреть в глаза этому парню. Слюна, слезы и кровь закрыли маской его лицо».

ГЛАВА XLIV

АРТУР ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

Артур продолжил путь, босиком, с пустыми карманами, сжатой ладонью, и шел бесконечно; он хотел отыскать лесную лачугу, где они с Лапочкой распаковывали сокровища. У него выпадали волосы, отрастала борода. Питался он, в основном, землей и листьями и иногда ощипывал какую-нибудь птицу, сбитую на лету машиной, но не съедал ее, а высасывал из нее кровь, но чаще всего ему нравилось просунуть внутрь палец, через клюв или анус, чтобы ощутить прохладу нежного тельца. Когда он шел через деревню, дети швыряли в него камнями, так как он был безоружным, нищим и одиноким, а, поскольку он не разговаривал, то потерял слух, подобно Лапочке, и больше не замечал никаких звуков. Он начал собирать на пути куски разной бумаги, если та была прочной и не очень запачканной, он оборачивал ее, подвязывая бечевкой, вокруг себя под рубашкой, эти слои защищали от ночного холода и сырости, и, размягчаясь, намокали во время бурь, превращаясь в ужасный компресс, во сне разраставшийся в гигантскую присосавшуюся пиявку, днем же солнце, согревая, высушивало бумагу, делая ее проч-

нее и обращая в панцирь, наделенный, казалось, магической силой. Еще он собирал в водостоках и мусорных урнах использованные или засохшие стержни самопишущих ручек: у него появился план, как только вернется в хижину, развернуть все эти обертки, разгладить и нарезать рулоны, он еще не имел представления, что именно будет писать на них, но знал, что станет писать годной рукой все оставшееся ему время. Он больше не ел чернившую зубы землю, считая ее отравленной, а листья использовал только, чтобы сморкаться, он поедал все, что ползало и шевелилось. На обочине одной из дорог он поднял перчатку, отдаленно напоминавшую ту, что принадлежала Лапочке, и это была единственная вещь, которую он позволил себе присвоить.

ГЛАВА XLV

ЛОГОВО

Он отыскал лес, но не нашел хижины: ее снесло грязевым потоком. Он счел себя обязанным построить там, где она, по его мнению, находилась, новую хижину: бумаги и стержни от ручек послужили для составления чертежей. Когда он расположился в новой постройке и смотрел на то, как она выглядит, на линии и углы его новой обители, ему показалось очевидным, что нужно смастерить что-то еще, но что? Он не имел понятия. Он пытался придумать, но растерял все свои знания. Иголкой от циркуля он принялся рисовать линии, квадраты, треугольники, кружки, всякую геометрическую пачкотню, которую мог расшифровать только он один, если бы со временем не потерял ключ к нарисованным ребусам.

Он подолгу рассматривал эти фигуры, глядел на них дни и ночи до тех пор, пока они не раскрывали ему возможности глубины и рельефа: дуги и стрелки понемногу превратились в розы ветров, астролябии, крылатые и колючие кубы, но зачем нужны все эти предметы, оставалось неизвестным. Он старался развернуть на пергаментах эл-

липсы и параболы, хотел исчислить рефракцию в зените, но то, что он чертил, не отбрасывало теней. Тогда он свернул пергаменты и сделал из них подзорную трубу: по ночам он наблюдал за появлением звезд и принялся мастерить лунные часы. Он измерял угловую высоту небесных тел, следил за приближением равноденствия. Потом ел сено. Потом хотел записать на одном валике собственный голос. Потом собирал в трещинах в земле свою мокроту и доводил до кипения. Потом заинтересовался акушерством и принялся чертить кончиком палочки на земле различные стадии беременности. Он путал науку и святость, кухню и алхимию. Он потерял разум.

Он сооружал гигантские и бесполезные механизмы, вырубил почти все деревья в лесу, чтобы построить водяные часы, вычислительные устройства, весы для взвешивания грудных детей; он пускал по спиралевидным рельсам медные конусы, поджигал резиновые предметы. Во время изучения акушерства он подметил, что местная глина очень быстро сохнет и что концом прутика удобно делать насечки, он слепил себе новую маску обезьяны, которую носил по чистой прихоти, и стал в окрестностях настоящей легендой, человеком с онемевшей рукой и обезьяньей маской, его боялись, самые смелые подбирались метров на пятьдесят к его логову.

ГЛАВА XLVI

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Истребив лес, он свалил на пустыре груды металлолома, не подумав, что это приманка для молнии. Разразилась гроза, и за ночь все изобретения сгорели. Он снова пустился в путь, скитался без цели, испытывая небывалые лишения.

ГЛАВА XLVII

ОРАКУЛЫ

На пути ему встретился хромой мальчик с повязанной на шее лимонной кожурой, который тащил полную креветок лодку и попросил его открыть ладонь. Артур не стал противиться, но рука его так сильно сжимала кусочки стекла, что теперь в ней ничего не было, словно плоть поглотила их, или же как будто они растворились в поту, тем не менее, посреди ладони сочилась кровавая струйка. С этого дня он более не сжимал руку, но старался спрятать ее от глаз, либо надев перчатку, либо прижимая руку к телу или засовывая ее в карман, и, когда был уверен, что никто его не видит, совал ее в водосточную канаву, а потом она много дней оставалась немытой.

В другой раз ему попалась одноглазая девочка, державшая в левой руке венок из маргариток, а в правой венок из щепок. Она попросила его выбрать, и он получил венок из щепок, который собрался надеть себе на голову, но венок оказался слишком мал, и он вернул его девочке. Вечером его голова раздулась, особенно сильно над глазами, у висков, и даже ниже, возле щек, из остатков

бумаги он сделал что-то вроде забрала, но встречавшиеся на пути бродяги говорили ему, что оно в пятнах ржавчины.

ГЛАВА XLVIII

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В ранней юности у Артура не было особой веры, его занимало кощунство. Чтобы его высекли, он пил прямо из бутылки абсент и взбирался на церковные престолы, попирал ногами алтари, снимал штаны и рвал священные книги, плевал в чаши, кроил себе юбки из священных покровов и танцевал гаитянскую джигу, мечтал отделать юных священников и исповедовался старым в содомии, которой не совершал, ибо, несмотря на все бахвальства, оставался девственником.

ГЛАВА XLIX

УБИЙСТВО С ЦЕЛЬЮ НАЖИВЫ

В одной из водосточных канав он нашел опасную бритву, и чей-то голос повелел ему немедленно зарезать приходского священника. Священник принял его за нищего, клянчившего на пропитание, служанка отлучилась, и он сам открыл ему дверь: они странным образом были схожи. Как только священник повернулся спиной, Артур прирезал его; уронив бритву, он подхватил тело, из которого потоками лилась кровь, а затем с отвращением отпустил и склонился над бледнеющей, наполовину отрезанной головой: казалось, он смотрится в зеркало. Он раздел священника и облачился в сутану, ополоснув воротник в чистой воде с туалетным мылом. Порывшись в шкафу ризницы, он заметил, что поддельные переплеты Библии представляли собой дарохранительницы, где спрятаны проектор и кинопленки. Он снял картину, чтобы освободить небольшой белый участок стены, на котором могло бы появиться изображение. Выключил свет. Среди замелькавших на стене почти знакомых банальных картин он начал различать фигуры с окружавших его фресок. Внезапно ему показалось, что он видит протяжное биение крыл, растущих прямо из обнаженной спины.

ГЛАВА L

ПОРНОГРАФИЯ

Ноги ангелов отталкивались от мягкого пушистого вещества, в которое они валились, смеясь чистым прозрачным смехом (правда, фильмы оказались без звука). Их лодыжки были оправлены искусным плетением из нежнейших перышек с живота страуса, оно обвивало их до самых бедер, оставляя на виду красивые веретенообразные мышцы. Ногти окрашены ониксовым цветом, а малиновые рты, когда они принимались смеяться, являли взору красивые белоснежные зубы. Туловища с едва заметным рельефом покрывал приятно бередивший ладони золотистый пушок. От любого их движения рождалась музыка. Наконец, члены их были заключены в чехлы из золота или только что выдубленной кожи, откуда они доставали лианы, дабы те брызгали соком и бились об их ягодицы. Тогда они, словно счастливые щенки, заглатывали и нежно вылизывали, покусывали их, приподымали, будто взвешивая, и посасывали, все сильнее вбирая в себя, дабы испить млечного сока. Некоторые даже забавлялись тем, что пропускали их меж округлыми и крепкими ягоди-

цами, они терли их друг другу о лица, касаясь век, и обертывали в длинные светлые кудри, и это вызывало у них восторг.

ГЛАВА LI

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

На следующий день Артур выступил перед теснившейся в церкви толпой с речью:

– То, что сейчас произойдет, вовсе не представление, это истина Сына Божьего.

Двенадцать детей, выбранных из-за светлых волос и цвета глаз, как у тех, что были сняты на вчерашней пленке, босиком и слегка краснея, поднялись в белых одеждах первого причастия с двух сторон алтаря. Органист заиграл торжественную музыку, лившуюся все шире и шире под церковными сводами. Служка принес кувшин, таз и белое полотенце. Встав на колени перед детьми, Артур стал лить на тощие лодыжки воду, ему нравилось, как она струилась меж пальцами, все это заняло некоторое время и начало выводить из терпения последние ряды в толпе, где люди вставали на цыпочки, дабы увидеть, что там творят с их детьми. Артур поднялся и принялся целовать каждого в лоб. Ни разу даже еле заметный смех не нарушил торжественности обряда: может быть, помешала напряженная обстановка. Толпа, словно вода из сифона, моментально вылилась наружу, дети, обу-

вшись, исчезли. Артур, оставшись один, закричал, но этого уже никто не слышал.

В тот же вечер, довольный, что никого не удивили причуды его души, он усложнил все прихотью более странной. Он хотел пересмотреть фильмы, казавшиеся ему божественными, в самых разнообразных местах. Хотел, чтобы ангельские пороки отобразились на голых камнях древних гробниц, на кружеве самого церковного престола, а также на темных песчаных равнинах ночи. Он оборудовал особую систему, дабы подключить проектор к аккумулятору автомобиля, и тогда в его луче начинали мелькать светлячки, и на зыбком непроницаемом экране выметенной ветром ночи самые тривиальные действия походили на спасающий от засухи ливень.

Он вспоминал рисунки Леонардо да Винчи, книгу о котором однажды листал, и видел в свете волшебного фонаря каждое тело, словно творение архитектора со стрельчатыми арками, колоннами, каналами, артериями, мрачными трепещущими пластами, где обитала жизнь. Его ангелы не были бескровными созданиями, бестелесными испарениями, небесными оболочками потерянных душ, эманациями утраченного детства, он видел лишь светящийся вздыбленный пурпур, алчущий трения бедер, он слишком хорошо знал пытку неутоленной эрекцией.

Ему бы хотелось спроецировать падение ангелов прямо в небе, но картинки, которые не могли отобразиться на поверхности, исчезали в бесплотных лучах. Посреди ночи он искал что-нибудь светлое. Вначале это была птица, подарившая ему свою белизну, слишком лихорадочную, чтобы он мог воспроизвести одну из фантасмагорий. Однажды ночью, после того, как он прождал целый

час, розовая кисть человеческой плоти расцветила треугольное оперение орлана, который сразу ослеп. Когда он вот так разворачивал аппарат, мотор кашлял, лампа утомлялась быстрее. Ему не нравилась ночь, черная, как и его облачение, он бы предпочел ясный день, но тот был для него теперь под запретом. В последнюю ночь свет привлек заплутавшего ягненка, Артур увидел в этом пасхальный знак и отступился.

Когда, разыгрывая крестный ход перед казнью, вечером Страстной пятницы, он шел во главе пересекавшей деревню когорты и нес на плече крест, толки о его чудачествах еще не успели развеяться, Артуру показалось, что ему плюют в лицо, но он не отворачивался. Когда он читал молитву, было хорошо слышно, так как у него был микрофон; внезапно его обогнал несший громкоговоритель ребенок из хора, и он вновь увидел на белом одеянии ребенка, словно там была несводимая переводная картинка, рот Лапочки, заглатывающего фаллос. Моросило, путь к голгофе сопровождали печальные аккорды духового оркестрика.

ГЛАВА LII

ДЕТСКИЙ ПЕДИКЮР

Оставаясь по вечерам один, он осматривал рану на ладони, пытался избавиться от нее, прижимая одну руку к другой, но на той лишь оставался будто приклеенный кровавый оттиск, и тогда он должен был прятать в митенки уже обе руки.

Через три дня после процессии он открыл неподалеку от церкви небольшой ларек детского педикюра. С тех пор, как он стал деревенским священником, у ходивших в бассейн детей начали появляться подошвенные бородавки: ему не потребовалось много времени, чтобы собраться с мыслями. Он разложил на витрине разного рода кюретки, ножницы, пилочки, шилья, кисточки для смазывания, просмолил марлю. Он стелил простыню, которой потом связывал пациента, посыпанные порошком носки летели в картонную коробку, затем он с почтением склонялся над маленькими белокожими ступнями. Но его застали, когда он посасывал пальцы ног деревенского дурачка, и это оказалось сигналом к началу охоты.

Он попытался бежать по пересекавшей основную магистраль улице, но не учел, что та шла

вверх, а широкий подол сутаны мешал бегу. Он хромал, ноги болели, походка была нескладная, как у китаянок, уродливо двигающихся из-за сабо, он уже много дней не осмеливался снять штаны. Загонщики поймали его в тупике и попытались линчевать. Содрав сутану, они обнаружили под нею бумажный чехол, походивший теперь на корсет из окровавленных пластырей. Друзья дурачка сняли его, словно то был компресс, – они собирались раздеть Артура донага, чтобы унизить, – но увидели буравившую бок рану, кровь ослепила их, и они бросились перед ним наземь. Они понесли его на плечах, дабы показать прочим обывателям, он отбивался, но крики и колокольцы оглушали его, он терял много крови, она капала, и все шли по ее следу, на пути собиралось множество мужчин и собак.

ГЛАВА LIII

ОТ ФОКУСОВ К СВЯТОСТИ

Его отвели к викарию, который осмотрел рану: она была где-то около четвертого ребра, если считать снизу. Ее измерили: в диаметре она достигала трех с половиной сантиметров. Попытались узнать, как она появилась, и предположили, что такого рода раны могут быть нанесены кузнечным шилом. Его обыскали. Спросили:

– Стало быть, вы себя ранили?

Он ответил:

– Не суйтесь не в свое дело!

Позвали врача, чтобы тот покрыл рану мазью и наложил повязку, но рана сразу же вспыхнула, Артур потерял сознание. Повязку сняли, он пришел в себя, боль прекратилась. Капли пота покраснели.

У Церкви имелись свои химики, рассказчики и фокусники, надзиравшие за чудесами, свои истязатели и палачи, которым вменялось пробуждать веру у скептиков. У Науки были свои полицейские и ученые, свои механизмы и приемы. Они ссорились из-за Артура, он был измотан различными предписаниями, издерган из стороны в сторону наказами и той, и другой.

Раны на теле сопротивлялись любой попытке их исцелить. В самом начале, словно он страдал от постыдной болезни, сделали все возможное, чтобы не подпускать к нему паломников. Но они прознали о том и взломали двери; местные жители следовали друг за дружкой без перерыва, дабы удостовериться, что кровь все так же течет. Рана расширялась: теперь она была длиной семь-восемь сантиметров, и из нее, пропитывая рыхлые тряпки, вытекало за день со стакан крови.

На ночь его швыряли в камеру, а днем выставляли напоказ. Он должен был отбиваться, чтобы оставить при себе митенки, бывшие при дневном свете бурыми, а по ночам белыми. Каждый вечер он вытаскивал из своих башмаков битое стекло, и каждый раз оно появлялось вновь и ранило еще глубже. Ортопед из монастыря изготовил для него специальные башмаки, чтобы он мог ходить. Его руки были в таком состоянии, что ему не удавалось писать, тогда назначили секретарей, занимавшихся корреспонденцией, так как ему уже начали писать приверженцы.

Скептически настроенные врачи, исследовав повреждения, ставили на его повязки печати, но любопытствующие срывали их, чтобы потом уничтожить или превратить в реликвии. Прибывший с визитом архиепископ протянул ему ножницы и повелел разрезать одежду, сказав:

– Приложите эту ткань к вашей ране и затем сразу верните мне.

Артур повиновался и вернул обратно кусок материи, смоченный в свежей крови, источавшей благоуханный аромат. Архиепископ потянул носом и не поверил:

– Должно быть, вы встречаетесь с гулящими женщинами, в любом случае, чудотворцу не при-

стало пользоваться подобными косметическими средствами.

Тем не менее, архиепископ упаковал кусок окровавленной благоуханной ткани в конвертик, чтобы отправить Папе. Новость разнеслась с быстротой молнии: сюда помчались со всех уголков мира кареты вампиров, в боевом порядке прибыли брать образцы носатые парфюмеры, погружавшие платки в раны Артура, а затем спешившие в лаборатории из страха, что редкий запах, походивший одновременно и на розу, и на нарцисс, по дороге выветрится.

Потом кровь начала жутко вонять, она почернела, что привело в уныние неженок, плоть целыми кусками отваливалась от рук и ног, виднелось красное мясо, покрытое твердеющей прозрачной пленкой, которую кровь, пульсируя, снова и снова рвала. Артур по-прежнему хотел скрыть раны и вновь надел рясу, подпоясал бедра веревкой, из сильно накрахмаленных рукавов стихаря виднелись лишь кончики пальцев.

ГЛАВА LIV

БЕЛОКУРЫЙ ЮНОША ИЛИ ЧЕРНАЯ ПСИНА?

Как-то ночью, прямо посреди сна, в его камеру вошел белокурый юноша: Артур не знал, кто это, – ангел или палач, – казалось, тот был нагим, от него исходило небывалое сияние. Он что-то прятал за спиной. Он сел на постель и расстегнул Артуру рубашку, словно чтобы осмотреть тело, Артур не сопротивлялся. Тогда юноша приставил к его груди раскаленную железную печать, оставившую на светлой коже оттиск литеры «У». Той же ночью мужчины, стоявшие на часах, видели, как из окна камеры выпрыгнула огромная черная собака, а в небе сверкнули огненные всполохи.

ГЛАВА LV

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА И СВЯТОТАТСТВО

На следующий день маленькая слепая девочка обрела зрение. Его камеру нашли засыпанной изорванными книгами и бумагами. Вновь расстегнули на нем одежду: кровь на туловище сочилась из множества дыр, вырисовывавших крест, отпечаток которого можно было легко получить, наложив поверх промокательную бумагу. Решили, что исцеление девочки и это новое чудо связаны меж собой, приказали Артуру обратить развратников, марксистов, франкмасонов и одержимых, но вместо этого он остановил отчаявшихся, собиравшихся наложить на себя руки, и отправился в сельские поля, где молил тутовые деревья вытащить из земли корни и опустить их в море. Жители деревни неодобрительно смотрели на эти странствия, они хотели иметь собственного святого и были готовы держать его у себя силой, если бы он столько не кощунствовал.

А он как раз это и делал. Отцы приводили к нему сыновей, чтобы он благословил их, и почти сразу же уводили обратно, он мог сказать лишь:

– Живите распутно.

Он оглаживал малолетних девочек прямо на глазах у матерей. Он призывал архитекторов и говорил им:

– Теперь вам нужно возвести часовни сладострастья, гавани оргий и святилища старческого маразма.

Когда его расспрашивали, он становился заикой, когда искали его взгляда, косил в сторону. Он не только не мог прочитать наизусть Акты Любви[1], потому что никогда их не учил, но к тому же ему еще нравилось осквернять божественные отображения[2]. Он говорил, что исповедь внушает ему отвращение, что она выставляет напоказ лишь одну грязь, он отказывался от покаяния и, когда его просили причаститься, рыгал и пукал. Ему не надо было даже прикасаться к облаткам, те превращались в пыль при одном его появлении. Жертвенный хлеб в руках у священников, собиравшихся поднести тот к его губам, распадался на части, а Артур говорил:

– В мой рот могут войти лишь языки пламени.

Священники находили в дароносицах детские шарики и всякую ерунду. Он мог заслужить чьелибо одобрение лишь когда останавливался перед домами, где совершался плотский грех, и смотрел на них до тех пор, пока те не вспыхивали огнем.

Ему поднесли обагренные кровью древние кусочки ткани, ценные реликвии, он начал их поедать. На встречу с ним отправили делегацию из двух знаменитостей со стигматами, Коламбию

---

1 Короткая католическая молитва, посвященная одной из трех христианских добродетелей.

2 Вероятно, речь об оттисках на гостиях, употребляемых в пищу во время причастия.

Стоумэтч и Терезу Хиггинсон[1], свидетельствовавших в тех краях о своих ранах, он растрепал и выдрал им волосы. Его наказали, он же произнес:

– А вот я никого не одариваю своими страданиями.

Сцена происходила в деревне неподалеку от Галифакса, где его громко приветствовали как чародея. Его уговаривали продемонстрировать левитацию, но у него больше не было всяких штуковин, все невидимые приспособления и покрывала сгорели вместе с сундуком в машине, и, так как его постоянно толкали, он всякий раз терял равновесие и падал навзничь, он был совершенно не предназначен для христианских подмостков.

Порой он терял память и забывал даже есть, пить или сходить в туалет. Когда он силился поесть, пытаясь кого-нибудь послушаться, то извергал все, что проглатывал. Архиепископ приказал сохранять все его выделения, чтобы отправлять их монастырскому доктору; его протирали увлажненными полотенцами, которые потом просвечивали и тщательно анализировали, дабы имитировать плащаницы.

Он не двигался, однако тело его ощущало, что падает, что его бьют, бичуют, забрасывают камнями, обрезают крайнюю плоть, рубашка орошалась кровью. Его запястья нагревались так сильно, как если бы к ним привязали и дергали за веревки черти, дабы разодрать его на части. После некоторых ночей стены его камеры были так разворочены, как если бы под ними тряслась земля, его лицо вытягивалось, становилось похожим на

---

1 Тереза Элена Хиггинсон (1844–1905), прославилась различными чудесами, предсказывала события, страдала от раздвоения личности.

мертвенно-бледный лик покойника. Несколько минут он был явственно мертв, аускультация подтвердила, что сердце только что перестало биться.

Когда Артур приходил в себя, со вздутым лицом в гематомах, опухшими веками и синяками у глаз, он каждый раз удивлялся, откуда натекло столько крови, он ничего не знал о том, что с ним творилось, он с трудом выговаривал:

– Я теперь всего лишь чье-то окровавленное орудие.

Ему обмывали плечи, после он погружался в сон, восстанавливавший силы.

Приступы лихорадки заставляли термометры лопаться. В одном сосуде хотели сохранить забрызганную его кровью ткань, но тот сразу же раскалился так, что треснул, сам хрусталь начинал кровоточить. Нужно было закрыть кусок материи в специальной емкости с небольшим отверстием, которое позволяло бы выходить испарениям, но в нем слышались бесперебойные удары, похожие на те, что издает бьющееся сердце. Емкость снова разбили и нашли на дне лишь порошок, в который превратилась иссохшая ткань.

ГЛАВА LVI

ПОДМОСТКИ

Конгрегация по Священным обрядам[1] затребовала фотоснимки. Заявители просили, чтобы при повторном осмотре ран было проведено медицинское расследование: кто-то хотел убедить неверующих, другие разоблачить самозванство. Спустя неделю после того, как его в первый раз задержали, комиссия во главе с префектом, состоявшая из государственного советника по вопросам гигиены и четырех врачей, двух протестантов и высокопоставленного масона, вытащили его из постели, прибегнув к услугам никому не известной медицинской сестры. Его одели и впопыхах обули в чужие ботинки. Поместили на носилки, которые подхватили четверо полицейских, окруженных отрядом охраны, вызванной каким-то лейтенантом.

Когда его сняли с носилок, он был не в силах ступить и шагу, и никто не мог заставить его идти. Кто-то говорил:

---

1 «Конгрегация по Священным обрядам и церемониям» занималась вопросами литургических обычаев Римско-католической церкви с 1588 по 1969 гг.

– Его удерживает божественная сила.

Другие сочли его наглецом. На нем была грубая обувка для сумасшедших, специально подбитая оловом, а на площади, которую предстояло пересечь, ярмарочный фокусник как раз забыл намагниченную дощечку. Башмаки сняли, и он смог ходить. Его отвели в мэрию, где посадили, стянув ремнями, на подмостки посреди огромного зала, туда можно было прийти, чтобы рассмотреть его со всех сторон. В это же время другие полицейские вскрывали каменный пол в камере, ища иглы или другие колющие предметы, которыми он нанес себе раны. Чтобы посмеяться над ним, ему всунули в руки в качестве скипетра палку, и, когда он сидел, раскрыв рот, потому что задыхался от нехватки воздуха, один бедняк плюнул ему прямо туда внутрь.

В течение трех недель плена пробовали, задавая всевозможные вопросы, застать его врасплох и поймать на очевидных противоречиях. Спрашивали, что представляется его внутреннему взору. Он отвечал, что видит людей в белых блузах с голубым кантом и мастерками за поясом; отвечал, что видит высокопоставленных лиц в военной форме, склонившихся над большой книгой. На самом деле он видел руку, вдребезги разбивающую свиную голову. Он говорил, что видит пять деревьев, отравленных остальной рощей. Говорил, что видит одержимого, который в эту самую минуту выворачивал наизнанку смысл Священного писания, дабы подкрепить свой изворотливый замысел, и читателей, которым нравилось подобное развращение. Он видел, как мрак окутывает разум. Потом ему показалось, что он слышит неистовые раскаты грома, он видел, как сверкают молнии, и ему показалось, что огненные шары

падают с поверхности земли и катятся к ее центру, заставляя скалы разлетаться на части. Затем он ощутил стремительный поток вод и страшный стон скорби. Тогда шум прекратился, вспышки пропали, и он заметил некую тень: незнакомая девушка вела его обратно в монастырь.

ГЛАВА LVII

АРТУР ПЕРЕЕЗЖАЕТ

Поведение Артура стало еще более вызывающим. В его руках больше не таял лед. Он обращался к тем, кого не было, и показывал пальцем в пустое пространство. Он ощупывал все предметы, которые ему давали, и спрашивал, что это такое, он путал горячее и холодное, выпуклое и впалое. Он говорил, что его постоянно задевает шелест ткани. Открылась, наконец, его способность говорить на арамейском, он бормотал, например, такие фразы:

– Ана кома, мажера безебура ганаба, абла шалок леон, афкид руши.

Он не знал, что они означали. К нему отправили австрийского ученого доктора В. и востоковеда Ф., чтобы перевести их.

Под предлогом предложить мировое турне с декламацией тарабарщины, как-то утром, на рассвете, завернув его в шерстяное одеяло, от него попытались избавиться, однако шум о побеге разлетелся среди деревенских жителей, и те к трем часам утра, прихватив косы и садовые ножи, окружили обитель: они хотели оставить у себя святого, при котором начала процветать торговля.

Но однажды ночью, когда все спали, ворота монастыря растворились без человеческой помощи, и Артур был призван с постели, где лежал, обливаясь кровью.

ГЛАВА LVIII

КРОВЬ

Он сбежал, он шел босиком по мерзлой земле; там, куда он ступал, снег загорался. Идя долиной, он услышал шум битвы. Поляна была пустынной, поросшей низкими деревцами, словно исхоженная по ночам ведьмами, однако, он слышал, как из пробитых доспехов ручьями бьет кровь.

Он плеснул кровью вверх, к небу: знаки, разбрызгиваясь, сворачивая смыслы, пропали. Он прикрепил к поясу стекляшки и каждый день собирал в них кровь, ходьба мешала ей загустеть, он опускал в сосуды лоскутки пористого шелка или птичья перья; кровь, которую он проливал в разных местах, как правило, в час смерти Лапочки, стала также и его единственной пищей, единственным питьем, он питался, сам насыщая себя таким образом, он был бледен, его испражнения стали жидкими, и, если бы кто-нибудь захотел отколотить его, то стеклянные колбы, спрятанные под поясом, разбились бы, все его имущество бы пропало, ему оставалось бы лишь умереть, сбросив одежду в снег; дабы ускорить финал, он лег бы в чей-нибудь гроб в обнимку с покойником.

Он совершенно замкнулся и удалился от мира, так как оставил деревни, предпочтя им захоронения и склепы. Привык каждый вечер приходить на какое-нибудь кладбище, выбирать могилу и воскрешать в своих объятиях мертвеца; с тех пор, как он кормился собственной кровью, его тело в любое время было обжигающим, когда он раздевался на опушке перед мавзолеями, от него валил пар, проходивший меж мраморными монументами и оставлявший огненную лаву с его рта, пальцев, члена на оледеневших позабытых телах, он оставлял их обтекать и синеть, одевался и посылал воздушные поцелуи, его немного шатало, он ложился там, где виднелась трава, порой, когда мертвец ему очень нравился, он звал его Лапочкой, и, когда заря повелевала того оставить, выплескивал один из стеклянных цилиндров тому в лицо, называя своей маленькой окровавленной пташкой, и то могла быть старуха с лысой, как у сифилитического младенца, башкой, она все равно ему нравилась, могильщики же, поскольку он прихрамывал, а изо рта шел пар, который они принимали за винный, считали его одним из своих.

Эту кровь он мог выплеснуть в любой час на камень, в воздух, чтобы та, замерев на лету, указала ему какое-то имя, число, направление, он брызгал ею на бежавших прочь зверьков, на кротов, на бабочек. Он принимался отворять себе кровь по утрам, натощак, достав из узла кюретку. Когда день обещал быть удачным, он мог заполнить до семи склянок, и ему нравились ранки, образовывавшиеся на белеющих руках в то время, как в теле потихоньку росла усталость, он шел прочь захмелевший, серого цвета. Он с особенным тщанием закупоривал склянки оставленной на берегу

прудов высохшей кожей древесниц, так как, рассыпаясь в порошок, выпадавший на дне, как осадок, она делала кровь более темной, не позволяя ей утратить пурпурный цвет.

Он сплетался с покойниками, чаще всего с горбатыми, больными артритом, со старыми девами, юношами с впалой грудиной, девственниками, тощими, с женщинами, которым сострогали груди, им он приберегал самые нежные ласки, марал их и пачкал. Он вырастил пауков и спал вместе с ними, он привязал их к почти невидимым ниточкам, чтобы запрягать и устраивать между ними соревнования. Самых податливых съедал. Из его рта пахло гнилью. Ему не было тридцати, но встречавшие его дети давали ему двести пятьдесят.

Повсюду вокруг него была кровь, он купался в ней. Эта кровь не могла быть его кровью, она была неисчерпаема, она струилась по телу, словно злой плющ, пренебрегая тяготением, дабы застить ему глаза и окрасить шевелюру. Он оставлял могилы кипящими, заполненными до краев, он наново топил утопленников, похороненных в потоках его крови, и выкапывал в земле новые ямы, подобные шумовкам, шлакоделителям, сундукам грязи, в которых он полагал сохранить силы, дабы однажды вернуться безжизненным, обескровленным и получить их обратно, он рыл канавы. Целую милю парил над ним орел, но глаза у Артура слишком вздулись от крови, дабы видеть его, и орел, осознав, что его не видят, в конце концов, скрылся.

ГЛАВА LIX

КАРТИНА

Он достиг местности, где оттенки земли были необычайно разнообразны: обыкновенного перегноя и грязи, мокрой и сухой глины, слюды и окаменелостей, и достаточно было наклониться и, протянув руку, поскрести ногтями, чтобы пальцы окрасились сверкающей охрой. Он осушил вначале один из пузырьков, чтобы насыпать туда порошки красного железняка и серного колчедана, он смешал их с пурпурным осадком, приросшим к стеклянному дну. Срезал острым камнем остатки волос, перевязал их нитками, выдернутыми из веревки, которая держала штаны, и приклеил к концу одного из кинжалов, отбив перед тем от него лезвие. Перемыл в ручье все, что у него оставалось от пергаментных корок, поскоблил их, затем, намочив слюной, размял, чтобы получилось белое месиво, которое расплющил ударами кулака. Взял кисти, полотно, цветной порошок и сок из члена и нанес первый штрих, обозначавший веко. Там не было никакого зеркала. Он мог бы содрать с себя кожу, чтобы сделать картину объемной, он больше ничего не чувствовал.

Его тело исчезло, никакие поиски не помогли его обнаружить, но он оставил миру этот маленький сардонический автопортрет, на котором был изображен в черной шляпе, говорящей о скорби или обольщении, украшенной не черным бантом или алым цветком, но терновым венцом проклятия.

Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют

Габриэль Витткоп
ВЕЧНЫЙ АЛЬМАНАХ ГАРПИЙ

Гарпии вездесущи и всегда настороже, так что нам от них не ускользнуть. Они стары, как небо, и стары, как смерть. Гарпии – образ пожирающей Матери, космического существа, которое глотает и извергает в одном вечном двойном движении. Поэтому они родственны бородатым сиренам, богиням-змеям, изрыгающим большие реки, божествам хтонических глубин. Если вам снится, что вы едите печень гарпии, вы скоро умрете.

Эркюлин Барбен
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838-1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют

Хуан Гойтисоло
ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Образ репья, растоптанного сапогами российских солдат, сначала отправленных воевать в Чечню царем, потом Ельциным, потом Путиным – часто возникает в моей повести, я пишу об абсурдности и нескончаемости варварства. Зверства побеждают прогресс, в этом смысле в обществе немногое меняется, а жестокости гражданской войны в Испании повторяются во всех войнах. Возможно, нас следует назвать бесчеловечной расой?

Марсель Жуандо
ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Николай Бердяев, назвавший Марселя Жуандо (1888-1979) «самым замечательным и глубокомысленным писателем современной Франции», не подозревал, что наряду с принесшими ему славу книгами о провинциальных нравах, богоискательстве и супружеских отношениях, Жуандо пишет и другие вещи: о великолепии мужских борделей. «Затерянные страницы» – последняя книга из цикла «тайных сочинений» Жуандо – была опубликована после смерти автора.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo» Таганская ул., 31/22

в Санкт-Петербурге:
«Порядок слов» Наб. Фонтанки, 15
«Все свободны» Наб. Мойки, 28, второй двор

через Интернет:
«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:
«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ООО «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Эрве Гибер
ПРИЧУДЫ АРТУРА

Kolonna Publications
Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301
Подписано в печать 28.07.2013 Тираж 500 экз. Заказ № 44-2.
Формат 70 x 100/32. Объем 4 п.л. Гарнитура itc Charter
Отпечатано в экспериментальной типографии
ООО "Свежее Решение" на печатном оборудовании
BeshPrinter, 607188 Нижегородская область, город Саров,
переулок принца Касаткина, 6.